

Леди Сьюзан (сборник)

Автор:

Джейн Остин

Леди Сьюзан (сборник)

Джейн Остин

В книге собраны ранние и малоизвестные произведения английской писательницы Джейн Остин.

Коварная и двуличная леди Сьюзан плетет интриги, невзирая на презрение света... Чувствительная Лаура рассказывает свою печальную и поучительную историю... Практичная Шарлотта после смерти несостоявшегося зятя сокрушается о том, что испортится приготовленное к свадьбе угощение... Благородные дамы и галантные кавалеры предстают в совершенно неожиданном свете.

Блестящие и остроумные рассказы доставят вам много приятных минут.

Джейн Остин

Леди Сьюзан (сборник)

© Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», перевод и художественное оформление, 2010, 2011

* * *

Предисловие

Джейн Остин – знаменитая английская писательница, хорошо известная читателям во всем мире и признанная классиком у себя на родине. Ее романы «Гордость и предубеждение», «Чувства и чувствительность», «Мэнсфилд-Парк» и другие неоднократно издавались на русском языке и успешно экранизировались. Однако в настоящее издание вошли произведения, с которыми большинство читателей еще не успели познакомиться. Это юношеские работы Джейн Остин: повесть «Леди Сьюзан», рассказы, наброски. Несмотря на то что автору не было еще и семнадцати лет на момент их создания, они уже носят отпечаток ее стиля – элегантного и утонченно-ироничного. Джейн Остин пробует свои силы в жанре эпистолярного романа («Леди Сьюзан»), пародии на сентиментализм («Генри и Элиза», «Фредерик и Эльфрида»), юмористического рассказа («Джек и Алиса»); оригинальностью отличается и ее рассказ «История Англии», также написанный в юмористическом ключе.

Переводить Джейн Остин – занятие достаточно трудоемкое: во-первых, нелегко передать манеру ее речи – насыщенной длинными периодами, причастными и деепричастными оборотами, несколько архаичной лексикой – так, чтобы она органично звучала по-русски и не казалась чересчур витиеватой и сложной для восприятия современного читателя. Во-вторых, поскольку кругозор современного человека и характер познаний в той или иной области за прошедшие двести лет значительно изменились, нам могут быть непонятны многие ссылки на книги или театральные постановки, встречающиеся в произведениях Остин, – книги, которые было принято читать в ее кругу, и постановки, которые смотрела она сама, ее родственники или друзья. Поэтому на помощь читателю придет система постраничных сносок, дающих необходимую информацию, но не отвлекающих от текста. В ходе создания комментариев использовалась справочная литература, проводились консультации со специалистами в области истории Англии. В связи с этим хочу выразить благодарность своему коллеге Владимиру Семеновичу Полякову за оказанную им помощь и создателям сайтов, посвященных творчеству Джейн Остин.

Издание будет интересно широкому кругу читателей – любителям классики, почитателям Джейн Остин, людям, интересующимся английской литературой. Возможно, вы откроете для себя неизвестную вам писательницу – несколько более резкую и непосредственную, чем та, к которой вы привыкли. Приятного чтения!

Антонина Ивахненко

Леди Сьюзан

Роман в письмах

I

От леди Сьюзан Вернон к мистеру Вернону

Ленгфорд, декабрь

Дорогой брат[1 - В описываемое время в Англии было принято называть родственников мужа/жены, как собственных: брат, сестра, матушка/маменька и т. п. (Здесь и далее примеч. пер.)],

Я более не могу отказывать себе в удовольствии воспользоваться Вашим любезным приглашением, сделанным во время последней нашей встречи, а именно – провести несколько недель с Вами в Черчхилле; таким образом, если для Вас и миссис Вернон удобно принять меня в настоящее время, то льщу себя надеждой уже через несколько дней быть представленной сестре, с которой я давно хочу познакомиться. Добрые друзья, в чьем доме я остановилась, уговаривают меня погостить подольше, что весьма любезно с их стороны; однако они всем оказывают радушный прием, вследствие чего у них всегда многолюдно, – а это в нынешней ситуации для меня чересчур волнительно; и потому я с нетерпением ожидаю того часа, когда меня примут в Вашем восхитительном уединенном доме.

Мне не терпится увидеть наконец Ваших милых деток, в чьих сердцах я надеюсь вызвать симпатию, которая вскоре понадобится мне, чтобы дать мне силы вынести разлуку с собственной дочерью. Продолжительная болезнь ее дорогого

отца не позволила мне уделять ей столько внимания, сколько требовали материнский долг и любовь, и у меня слишком много причин опасаться, что гувернантка, чьим заботам я препоручила свое дитя, не заслуживала тех денег, которые получала. Вот по какой причине я приняла решение поместить девочку в одно из лучших заведений столицы, и на пути к Вам у меня будет возможность лично доставить ее в пансион. Как видите, я надеюсь, что мне не откажут в приюте в Черчхилле. В самом деле, я буду чрезвычайно огорчена, если выяснится, что не в Ваших силах принять меня сейчас.

Ваша благодарная и любящая сестра

С. Вернон.

II

От леди Сьюзан Вернон к миссис Джонсон

Ленгфорд

Ты ошибалась, моя дорогая Алисия, утверждая, что я обоснуюсь в этом месте до самой весны. Сообщаю тебе об этом с великим сожалением, поскольку я еще не проводила время приятнее, нежели последние три месяца. Теперь же все идет не так; дамы этого семейства сплотились против меня. Ты предсказала, как все будет, когда я только приехала в Ленгфорд, а Мейнверинг был так мил, что у меня появились недобрые предчувствия. Я помню, как подумала, когда мы подъезжали к дому: «Мне нравится этот человек, и я молю Бога, чтобы ничего дурного из этого не вышло!» Но я была полна решимости оставаться в рамках приличий, не забывая о том, что овдовела всего четыре месяца назад, и вести себя как можно сдержаннее; и я так и поступала, дорогая моя: не принимала ничьих знаков внимания, кроме Мейнверинга. Я забыла даже о невиннейшем флирте; я не обращала внимания ни на одно создание, кроме, пожалуй, сэра Джеймса Мартина, к которому была несколько более милостива, дабы отвлечь его от мисс Мейнверинг; но если бы свет знал о мотивах моего поступка, все прониклись бы ко мне уважением. Меня называют жестокой матерью, но мое поведение было проявлением священной материнской любви, я думала только о счастье дочери; и если бы дочь эта не была глупейшим из созданий Божьих, за

свои усилия я могла бы получить вознаграждение, коего заслуживала.

Сэр Джеймс действительно просил у меня руки Фредерики; однако Фредерика, похоже, родилась лишь для того, чтобы мучить меня: она так яростно воспротивилась этому союзу, что я сочла за лучшее отложить на время осуществление своих планов. Не единожды сокрушалась я о том, что сама не вышла замуж за сэра Джеймса; и не прояви он презренной слабости, я бы так и поступила; но я считаю себя достаточно романтической особой, а потому одного только богатства мне мало. Все это происшествие в высшей степени досадно. Сэр Джеймс уехал, Мария ужасно рассержена, а миссис Мейнверинг несносно ревнива; настолько ревнива и так настроена против меня, что, учитывая ее вспыльчивую натуру, я бы не удивилась, обратись она к своему опекуну – разумеется, если бы у нее была такая возможность. Однако же супруг твой остается моим другом; а самым разумным его поступком было то, что он навеки избавился от этой дамы, выдав ее замуж. И потому умоляю тебя: поддерживай в нем огонь негодования. Обстановка у нас весьма печальная – никогда еще ситуация в доме не менялась так резко: все обитатели его враждуют меж собой, и Мейнверинг не осмеливается даже заговорить со мной. Пора мне покинуть этот дом; и потому я приняла решение уехать на этой же неделе и, надеюсь, провести вместе с тобой приятный денек в городе. Если мистер Джонсон так же мало благоволит ко мне, как и раньше, то приходи на Вигмор-стрит, 10; надеюсь, однако, в этом не будет необходимости, поскольку к мистеру Джонсону, несмотря на все его недостатки, можно применить определение «респектабельный» и ему известно, насколько я близка с его женой. Пренебрежительное отношение ко мне с его стороны было бы нелепо.

После Лондона я отправлюсь в это несносное место, глухую деревню – да, я действительно еду в Черчхилл. Прости меня, мой дорогой друг, но это последнее мое прибежище. Оставайся во всей Англии еще хоть одна не запертая для меня дверь, я бы с радостью в нее постучалась. Чарлз Вернон вызывает у меня антипатию, а его жену я боюсь. Однако мне придется задержаться в Черчхилле до тех пор, пока я не подыщу себе места получше. Моя барышня будет сопровождать меня в столицу, где я помещу ее на Вигмор-стрит, под присмотр мисс Саммерс, пока Фредерика не станет немного благоразумнее. Там она обзаведется нужными связями, поскольку все девушки в этом заведении из лучших семей. Стоимость обучения огромна, и она намного превосходит ту сумму, которую я в состоянии заплатить.

Adieu, я пришлю тебе весточку, как только приеду в город.

Всегда твоя

С. Вернон.

III

От миссис Вернон к леди де Курси

Черчилл

Дорогая матушка,

К огромному сожалению, вынуждена сообщить Вам, что не в наших силах сдержать данное Вам обещание провести Рождество вместе с Вами: этого удовольствия нас лишило обстоятельство, вряд ли способное сгладить данную неприятность. Леди Сьюзан в письме к своему деверю выразила намерение посетить нас почти немедленно; а поскольку это, по всей вероятности, поступок вынужденный, угадать продолжительность этого визита не представляется возможным. Я совершенно не была готова к такому повороту событий, и объяснить поведение леди Сьюзан я также не в силах: Ленгфорд казался во всех отношениях подходящим для нее местом, начиная с элегантного и роскошного образа жизни и заканчивая ее удивительной привязанностью к мистеру Мейнверингу. Я никак не могла ожидать столь скорого отъезда, хоть и догадывалась по ее доброжелательности к нам, усилившейся после смерти ее супруга, что наступит такой момент, когда мы вынуждены будем принять ее. Мистер Вернон, полагаю, проявил чрезмерную доброту к леди Сьюзан, когда гостил в Стаффордшире: ведь ее обращение с ним (какова бы ни была ее истинная натура) с тех самых пор, как речь впервые зашла о нашей с ним свадьбе, было таким вопиюще коварным и неблагородным, что неожиданная перемена в ее поведении непременно насторожила бы любого, чуть менее добродушного и мягкого человека; и хоть она и вдова его брата, да и находится в стесненных обстоятельствах, а потому следовало предложить ей нашу посильную помощь, я все же не могу не думать о том, что настойчивое приглашение мистера Вернона навестить нас в Черчилле совершенно неуместно. Однако он всегда проявлял склонность думать о людях лучше, чем они того заслуживают, и ее показного горя, и заверений в раскаянии, и общих

проявлений благоразумия оказалось достаточно, чтобы смягчить его сердце и заставить поверить в ее искренность; меня же леди Сьюзан так и не убедила, и теперь, когда ее светлость нам написала, я, вероятно, не смогу принять окончательного решения на сей счет до тех пор, пока не разберусь в истинных причинах ее приезда к нам. Таким образом, милая матушка, можете себе представить, с каким чувством я ожидаю ее появления. У леди Сьюзан будет возможность пустить в ход все свое очарование, которым она так славится, чтобы вызвать во мне расположение к собственной персоне; я же, разумеется, приложу все силы к тому, чтобы не поддаваться ее влиянию. Она пишет о жгучем желании поскорее познакомиться со мной и весьма любезно упоминает моих детей; но я не настолько слаба, чтобы предположить, будто женщина, отнесшаяся по меньшей мере невнимательно, а то и недобро, к собственному ребенку, может привязаться к одному из моих. Мисс Вернон поместят в частную школу в Лондоне еще до того, как ее мать приедет к нам, и я только рада – и за нее, и за себя. Разлука с матерью пойдет Фредерике на пользу; а кроме того, шестнадцатилетняя девушка, получившая такое отвратительное воспитание, не может быть желанной гостьей в нашем доме. Реджинальд, я знаю, уже давно мечтает увидеть пленительную леди Сьюзан, и мы можем рассчитывать на то, что очень скоро он к нам присоединится. Рада узнать, что отцу уже лучше. Остаюсь всегда Ваша, и так далее, и так далее

Кэтрин Вернон.

IV

От мистера де Курси к миссис Вернон

Парклендс

Дорогая сестра,

Поздравляю тебя и мистера Вернона с тем, что вскоре вы примете в свою семью самую искусную кокетку во всей Англии. Я привык считать ее настоящей мастерицей флирта, но не так давно мне довелось узнать некоторые подробности о ее поведении в Ленгфорде, доказывающие, что она не довольствуется обычным флиртом, который предпочитает большинство, но

стремится к более утонченному удовольствию – обречь на невзгоды всю семью. Своим поведением она вызвала ревность у супруги мистера Мейнверинга и сделала ту несчастной; а оказывая знаки внимания молодому человеку, ранее ухаживавшему за сестрой мистера Мейнверинга, лишила милую девушку возлюбленного.

Все это я узнал от мистера Смита, появившегося недавно по соседству (я обедал с ним у «Харста и Вильфорда»): он только что вернулся из Ленгфорда, где провел две недели в обществе ее светлости, а следовательно, достаточно информирован, чтобы сделать определенные выводы.

Что же это, должно быть, за женщина?! Я с нетерпением жду встречи с ней и непременно приму ваше любезное приглашение, чтобы составить впечатление о чарах женщины, способной на столь многое – вызывать чувства в одно и то же время в одном и том же доме у двух мужчин, причем ни один из них не был свободен для этих чувств, – не обладая при этом более очарованием юности! Я рад тому, что мисс Вернон не будет сопровождать свою мать, так как, согласно словам мистера Смита, ничто не говорит в ее пользу, даже манеры. К тому же она скучна и высокомерна. Тот, в ком сочетаются гордыня и глупость, совершенно не умеет притворяться, и мисс Вернон всегда будет подвергаться безжалостному презрению; однако, по имеющимся у меня сведениям, леди Сьюзан свойственно очаровательное притворство, которое наверняка приятно наблюдать. Я присоединюсь к вам уже очень скоро, а засим остаюсь

Вашим любящим братом

Р. де Курси.

V

От леди Сьюзан Вернон к миссис Джонсон

Черчилл

Я получила твою записку, дорогая Алисия, перед тем как уехать из города, и рада, что мистер Джонсон не заметил, чем ты занималась накануне вечером. Несомненно, куда лучше обманывать его во всем; а поскольку он упрям, то приходится пускаться на хитрости. Я вполне благополучно добралась сюда и не имею ни малейшего повода жаловаться на прием, оказанный мне мистером Верноном; но, признаюсь, меня несколько менее порадовало поведение его супруги. Она на самом деле превосходно воспитана и ведет себя как светская дама, однако ее манеры не убедили меня в том, что миссис Вернон расположена ко мне – а ведь я ожидала, что она будет в восторге от нашей встречи. Я была чрезвычайно мила с ней, но все напрасно: я ей не нравлюсь. Конечно, если вспомнить, что я предприняла определенные шаги, чтобы расстроить ее свадьбу с моим деверем, то отсутствие сердечности не так уж и удивительно; однако нежелание простить эпизод, случившийся шесть лет тому назад, да к тому же еще и не увенчавшийся успехом, несомненно, выявляет недалекость и мстительность ее натуры.

Меня иногда охватывает сожаление из-за того, что я не позволила Чарлзу купить замок Вернон, когда нам пришлось продать его; однако обстоятельства были слишком уж неблагоприятны, особенно если учесть, что сделка состоялась как раз во время его свадьбы; и всем следовало бы оценить деликатность моего мужа, не позволившую ему оскорбить собственное достоинство продажей родового гнезда младшему брату. Если бы все можно было устроить таким образом, чтобы у нас исчезла необходимость покинуть замок; если бы мы могли жить вместе с Чарлзом и удержать его от женитьбы, – я была бы весьма далека от мысли убеждать супруга продать замок чужому человеку; однако Чарлз намеревался жениться на мисс де Курси, и этот факт служит мне оправданием. У них много детей, и приобрети замок Чарлз Вернон – какая мне от этого польза? Возможно, моя роль в этом деле произвела на его жену неблагоприятное впечатление; но если человек предубежден против другого, предлог найти легко; что же касается денежных вопросов, то, несмотря на мое вмешательство, Чарлз оказался весьма полезен для меня. Я действительно расположена к нему: на него так легко влиять! Дом у них хороший, мебель подобрана со вкусом, и обстановка просто кричит о достатке и элегантности хозяев. Я уверена, Чарлз очень богат: стоит только стать членом банкирского дома – и начинаешь купаться в деньгах; но что делать с этими деньгами, они, по-моему, не знают: шикарных приемов не устраивают, да и в Лондон ездят только по делам. Мне следует притвориться глупышкой: я намерена покорить сердце золовки с помощью ее детей; я уже выучила, как их зовут, и собираюсь сначала расположить к себе одного из них, а именно юного Фредерика: я часто беру его на руки и вздыхаю, вспоминая его дорогого дядюшку.

Бедняжка Мейнверинг! Нет нужды говорить тебе, как сильно я по нему скучаю, как часто он занимает все мои мысли. Приехав сюда, я получила от него весьма мрачное письмо, полное жалоб на жену и сестру и причитаний по поводу его горькой доли. Вернонам я сообщила, что письмо это от его жены, и когда сяду писать ему ответ, скажу, что пишу тебе.

Всегда твоя

С. Вернон.

VI

От миссис Вернон к мистеру де Курси

Черчилл

Что ж, мой дорогой Реджинальд, я увидела это опасное создание, эту женщину и непременно должна описать тебе, хотя надеюсь, что вскоре ты сможешь составить о ней собственное суждение. Она и правда чрезвычайно милостива; ты, конечно, можешь усомниться в привлекательности уже не молодой дамы, однако должна заметить, что мне редко доводилось встречать такую очаровательную женщину, как леди Сьюзан. Она изящна, белокура, у нее прекрасные серые глаза и темные ресницы; на вид ей никак нельзя дать больше двадцати пяти лет, хотя на самом деле, полагаю, она на добрый десяток старше. Разумеется, я не склонна восхищаться ею, хотя не единожды слышала, как она прекрасна; и тем не менее я не могла не почувствовать, что в ней удивительно сочетаются соразмерность, живость и грациозность. Она вела себя со мной столь ласково, искренне и даже по-приятельски, что, если бы я не знала, как сильно она невзлюбила меня за брак с мистером Верноном, и забыла о том, что мы с ней еще никогда не встречались, я могла бы считать ее своей близкой подругой. Впрочем, полагаю, вполне возможно сочетать в себе наглость и кокетство и естественно ожидать, что дерзость ума станет соседствовать с дерзостью в обращении; во всяком случае, я была готова к тому, что леди Сьюзан станет вести себя самоуверенно; однако же выражение ее лица чрезвычайно приятно, а голос и манеры обворожительно кротки. Я сожалею об

этом, ибо что это, как не обман? К несчастью, я слишком о ней наслышана. Она умна и мила и прекрасно разбирается во всем, что помогает поддерживать разговор, приятна в общении и столь красноречива, что, боюсь, это слишком часто помогает ей черное делать белым. Она уже почти успела убедить меня в своей глубокой привязанности к дочери, хотя я долгое время была убеждена в противоположном. Леди Сьюзан говорит о Фредерике с такой нежностью и беспокойством, так горько сожалеет о том, что не занималась ее воспитанием как должно (что, впрочем, по ее словам, вполне объяснимо), что мне приходится напоминать себе, сколько весен подряд ее светлость проводила в столице, в то время как ее дочь оставалась в Стаффордшире на попечении прислуги или гувернантки – которые не намного лучше, чем хозяйка, – чтобы не дать себе поверить ее словам.

Если ее манеры столь сильно влияют на мою недоверчивую душу, можешь себе представить, насколько сильнее они влияют на благородного мистера Вернона. Жаль, что в отличие от него я не могу искренне поверить, будто леди Сьюзан покинула Ленгфорд по собственной воле; и если бы она не оставалась там долгие месяцы, прежде чем обнаружить, что стиль жизни ее друзей не соответствует ее положению, то, возможно, я бы и поверила, будто именно печаль по поводу утраты такого исключительного супруга, каковым являлся мистер Вернон (хоть ее отношение к нему и было весьма далеким от безупречного), может на некоторое время вызвать у нее склонность к уединению. Но я не могу забыть продолжительность ее визита к Мейнверингам; а когда размышляю по поводу разницы между тем образом жизни, который она вела, проживая у них, и тем, с которым ей приходится смириться теперь, то не могу не предположить, что лишь желание восстановить репутацию, вернувшись, хоть и с некоторым опозданием, на стезю добродетели, могло вынудить ее расстаться с семейством, в чьем доме она на самом деле была абсолютно счастлива. Впрочем, рассказ твоего друга, мистера Смита, не может быть вполне достоверным, поскольку леди Сьюзан регулярно переписывается с миссис Мейнверинг. В любом случае, он несколько преувеличил. Вряд ли возможно, чтобы двое мужчин могли одновременно и до такой степени быть обмануты ею.

Твоя и так далее

Кэтрин Вернон.

От леди Сьюзан Вернон к миссис Джонсон

Черчилл

Дорогая Алисия,

С твоей стороны было очень любезно обратить внимание на Фредерику, и я благодарна тебе и считаю это признаком настоящей дружбы; но хоть я нисколько не сомневаюсь в твоём теплом к ней отношении, я далека от мысли требовать от тебя подобной жертвы. Она вздорная девчонка, и мне совершенно нечего сказать в её пользу. Таким образом, я не стану похищать у тебя ни единой минуты и не отправлю её к тебе на Эдвард-стрит, тем более что каждый подобный визит станет отнимать у неё время, которое необходимо Фредерике, чтобы получить образование в заведении мисс Саммерс. Я хочу, чтобы моя дочь научилась играть на рояле и петь, выказывая немного вкуса и значительную долю уверенности: руки у неё такие же изящные, как и у меня, да и голос вполне сносный. Мне в детстве предоставляли полную свободу, у меня не было никаких обязательных занятий, и, как следствие, я не обладаю тем воспитанием, которое сейчас необходимо для дамы, чтобы считаться привлекательной. Не то чтобы я одобряла новомодные старания обучить девушек говорить на всех иностранных языках, а также великолепно разбираться в гуманитарных и естественных науках. Я считаю, что это пустая трата времени – пытаться овладеть французским, итальянским и немецким, музыкой, пением, рисованием и так далее; разумеется, подобные познания сделают женщине честь, но не добавят ни единого возлюбленного к её списку: в конце концов, изящество и прекрасные манеры гораздо более важны. Таким образом, я вовсе не думаю, что познания, полученные Фредерикой, будут более чем поверхностными, и льщу себя надеждой, что она не останется в школе на такой долгий срок, чтобы начать хоть в чём-то прекрасно разбираться. Я надеюсь увидеть её супругой сэра Джеймса Мартина не позднее, чем через год. Ты знаешь, на чем основываются мои надежды, и основа эта, несомненно, крепкая, поскольку девушка её возраста, которая обучается в школе, должна чувствовать себя униженной. И между прочим, тебе бы лучше не приглашать её к себе именно по причине моего желания сделать её положение как можно более невыносимым. Я полностью уверена в сэре Джеймсе: мне достаточно написать ему одну-единственную строчку, чтобы он снова сделал предложение моей дочери. Я

только побеспокою тебя просьбой не давать ему заводить тесные знакомства, когда он приезжает в столицу. Приглашай его время от времени к себе и говори с ним о Фредерике, чтобы он не забыл ее. В целом я чрезвычайно довольна тем, как повела себя в данных обстоятельствах, и считаю свое поведение прекрасным примером осмотрительности и благоразумия. Некоторые матери на моем месте настояли бы на том, чтобы дочь сразу же приняла столь выгодное предложение, но я не хотела принуждать Фредерику вступать в брак, мысль о котором внушает ей отвращение: вместо того чтобы принимать суровые меры, я даю ей возможность выбирать самой, заставляю испытывать значительные неудобства, пока она не примет предложение. Но довольно об этой надоедливой девчонке. Тебе, наверное, интересно знать, как я провожу здесь время, и должна сказать, что первая неделя была невыносимо скучной. Однако сейчас мы уже начинаем привыкать друг к другу; к нашей компании присоединился брат миссис Вернон – красивый молодой человек, обещающий мне некоторое развлечение. В нем есть нечто, вызывающее у меня неподдельный интерес, некая дерзость и фамильярность, от которых я постараюсь его отучить. Он энергичен и, кажется, умен, и когда мне удастся внушить ему большее уважение к себе, чем то, которое сформировали в нем намеки сестры, с ним можно будет очень мило пофлиртовать. Есть изысканное удовольствие в том, чтобы подчинить дерзкий дух, заставить предубежденного человека признать твое превосходство. Я уже привела его в замешательство своим спокойствием и сдержанностью и теперь попытаюсь еще больше усмирить гордыню этих задирающих нос де Курси и убедить миссис Вернон в том, что ее предостережения пропали даром, а Реджинальда – в том, что его сестра неслыханным образом оболгала меня. Этот план, по крайней мере, развлечет меня и не даст мне так остро почувствовать ужасную разлуку с тобой и со всеми, кого я люблю.

Всегда твоя

С. Вернон.

VIII

От миссис Вернон к леди де Курси

Черчилл

Дорогая матушка,

Не ожидайте скорого возвращения Реджинальда. Он просил меня передать Вам, что хорошая погода склоняет его принять приглашение мистера Вернона продлить свое пребывание в Суссексе и что, возможно, они вместе поохотятся. Реджинальд намерен немедленно послать за своими лошадьми, и потому невозможно даже предположить, когда Вы снова увидите его в Кенте. Не стану скрывать от Вас свое мнение насчет этих неожиданных перемен, милая матушка, хотя и считаю, что Вам не стоит передавать его моему отцу: он всегда очень беспокоится о Реджинальде, а мои подозрения непременно вызовут у него тревогу, которая может серьезно навредить его здоровью и душевному спокойствию. Леди Сьюзан, очевидно, за прошедшие две недели придумала, как заставить моего брата полюбить ее. Говоря коротко, я убеждена, что его решение остаться здесь дольше, чем то было ранее запланировано, обусловлено чувством определенной симпатии к ней в не меньшей степени, нежели желанием поохотиться с мистером Верноном; и конечно же, продление его визита не может доставить мне то удовольствие, которое в других обстоятельствах я испытала бы от его общества. Я весьма рассержена махинациями этой беспринципной женщины; могут ли существовать более серьезные доказательства ее опасных способностей, чем эта резкая перемена к ней Реджинальда, который на момент своего приезда сюда был так решительно настроен против нее?! В своем последнем письме он предоставил мне некоторые подробности ее поведения в Ленгфорде, переданные ему джентльменом, прекрасно ее знающим, – если они правдивы, то не могут не вызвать отвращения к ее особе, и сам Реджинальд ранее склонен был полностью доверять им. Я уверена, в его глазах леди Сьюзан была презреннейшей женщиной в Англии; и когда он только появился у нас, то не скрывал, что считает ее недостойной уважения и полагает, что она будет в восторге от ухаживаний любого мужчины, решившего пофлиртовать с ней. Должна признать: ее поведение вызывает желание позабыть о подобных взглядах, ибо в нем я не смогла обнаружить ни малейшей непристойности – ни следа тщеславия, притворства, легкомыслия; к тому же она настолько привлекательна, что я бы не удивилась, если бы наша гостья очаровала Реджинальда, не зная он ничего о ней до личного знакомства; но испытывать к ней такую симпатию, какую, я уверена, он испытывает вопреки доводам рассудка, вопреки прежним убеждениям, – меня это чрезвычайно удивляет. Его восхищение ею с самого начала было весьма сильным, но совершенно естественным, и я не удивлялась тому, что его поразила кротость и утонченность ее манер; но когда мой брат недавно упомянул о ней, в его словах

слышалось исключительное одобрение; а вчера он и вовсе заявил, что не удивится, если подобные милость и способности могут вызвать самые сильные чувства в сердце мужчины. Когда я в ответ пожаловалась на ее дурные наклонности, он заметил, что какими бы ни были ее прежние ошибки, их следует отнести на счет дурного воспитания и раннего брака, а в целом она чудесная женщина. Склонность моего брата прощать ее проступки или забывать о них в силу восхищения сей дамой беспокоит меня; и если бы я не понимала, что Реджинальд вполне может считать себя в Черчилле как дома, а потому не нуждается в приглашении, если захочет продлить пребывание здесь, я бы пожалела, что мистер Вернон пригласил его. Намерения леди Сьюзан, разумеется, не выходят за рамки простого кокетства или желания быть предметом всеобщего восхищения; я ни на минуту не могу себе представить, что у нее есть более серьезные планы; но мне мучительно смотреть, как молодой человек такого ума, как Реджинальд, в результате оказывается одураченным ею.

Остаюсь и так далее

Кэтрин Вернон.

IX

От миссис Джонсон к леди С. Вернон

Эдвард-стрит

Милый друг,

Поздравляю тебя с приходом мистера де Курси и советую непременно выйти за него замуж; мы знаем, что состояние его отца весьма значительно, и не сомневаюсь, что оно заповедно^[2] - То есть передается по наследству - это значит, что состояние принадлежит отцу Реджинальда целиком, он им владеет, а не просто получает пожизненную ренту.^[3] Сэр Реджинальд^[3] - Первенцев принято было называть в честь родителей; особенно это касалось мальчиков, наследующих состояние и титул.] - человек слабовольный и вряд ли сможет

долго стоять у тебя на пути. О его сыне хорошо отзываются в свете; и хотя, дорогая Сьюзан, никто не достоин тебя по-настоящему, мистера де Курси, возможно, стоит заполучить себе в мужа. Мейнверинг, разумеется, будет неистовствовать, но ты с легкостью успокоишь его; кроме того, никакое, даже самое строгое требование приличий не может вынудить тебя дожидаться его освобождения от уз брака. Я видела сэра Джеймса; на прошлой неделе он приезжал на несколько дней в столицу и пару раз навещал нас на Эдвард-стрит. Я говорила с ним о тебе и твоей дочери, и он настолько далек от того, чтобы позабыть тебя, что я уверена: он с удовольствием женится на любой из вас. Я поселила в нем надежду на то, что Фредерика смягчится, и поведала ему, насколько улучшается ее поведение. Я укорила его за то, что он ухаживал за Марией Мейнверинг; он возразил, что это было не всерьез, и мы от души посмеялись над ее разочарованием; и, в общем, очень мило побеседовали. Он так же глуп, как и прежде.

Всегда твоя

Алисия.

X

От леди Сьюзан Вернон к миссис Джонсон

Черчилл

Я весьма обязана тебе, дорогой друг, за твой совет касательно мистера де Курси, который, я знаю, ты дала, прекрасно понимая, в чем моя выгода; однако я не склонна следовать ему. Я пока не готова решиться на такой серьезный шаг, как заключение брака, и в первую очередь потому, что в данный момент не особенно нуждаюсь в деньгах, а до смерти пожилого джентльмена, вероятно, не смогу оценить всех выгод этого союза, – видишь, я достаточно тщеславна, чтобы считать его легко достижимым. Я дала Реджинальду возможность ощутить мое могущество и теперь наслаждаюсь триумфом над разумом, изначально настроенным против меня и предубежденным против поступков, совершенных мною в прошлом. Сестра его, надеюсь, тоже получила подтверждение тому, сколь малопригодными оказываются чьи-либо инсинуации по отношению к

другому человеку, когда они сталкиваются с непосредственным влиянием интеллекта и манер. Я прекрасно вижу, как ей неприятно наблюдать за тем, как изменилось мнение ее брата обо мне, и что со своей стороны она сделает все, лишь бы вывести меня из игры; но поскольку мне уже удалось заставить Реджинальда сомневаться в справедливости ее отношения ко мне, думаю, я смогу не обращать внимания на ее усилия. Мне доставило несказанное удовольствие наблюдать за тем, как он стремится стать мне ближе, а в особенности – за его поведением, изменившимся вследствие того, что я держалась с холодным достоинством и тем подавила его дерзкие попытки фамильярничать со мной. Я с самого начала вела себя с Реджинальдом очень сдержанно, и за всю свою жизнь я до такой степени не отказывалась от кокетства, хотя, впрочем, желание властвовать никогда еще так не снесало меня. Я покорила его исключительно тем, что высказывала собственное мнение и вела серьезные беседы, и, рискну сказать, почти влюбила его в себя, не прибегая даже к невиннейшему флирту. Миссис Вернон сознает, что за причиненное ею зло она заслуживает любого отмщения, какое только окажется в моей власти. И лишь это позволило ей угадать под покровом моего обхождения, столь кроткого и бесхитростного, намек на некий коварный замысел. Впрочем, пусть думает и делает что хочет. Мне еще ни разу не доводилось видеть, чтобы сестринский совет помешал молодому человеку влюбиться, если таково его желание. Сейчас наши с Реджинальдом отношения постепенно приобретают некоторую доверительность и вскоре, надо полагать, превратятся в нежную дружбу. Что касается меня, то можешь быть уверена: ничем большим они не закончатся, поскольку не будь я настолько привязана к другому человеку, насколько это вообще для меня возможно, я бы постаралась не проявлять нежных чувств по отношению к мужчине, осмелившемуся так плохо обо мне думать. Реджинальд недурно сложен. Хорошие отзывы о нем, дошедшие до тебя, соответствуют действительности, но все же он значительно уступает нашему другу из Ленгфорда. В Реджинальде меньше лоска и умения втереться в доверие, и ему несколько недостает способности произнести нечто такое, что примирило бы собеседника с самим собой и со всем миром. Впрочем, он достаточно мил, чтобы забавлять меня и давать мне возможность очень приятно проводить эти долгие часы, которые иначе пришлось бы тратить на мучительные старания преодолеть отчужденность золовки и на пустую болтовню с ее мужем. Твое сообщение о сэре Джеймсе весьма порадовало меня, и я намерена вскоре намекнуть мисс Фредерике о своих намерениях.

Твоя и так далее

С. Вернон.

От миссис Вернон к леди де Курси

Черчилл

Я все сильнее, дорогая матушка, тревожусь за Реджинальда, наблюдая столь быстрый рост влияния на него леди Сьюзан. Они теперь состоят в тесных дружеских отношениях и часто предаются долгим беседам; с помощью удивительно искусного кокетства ей удалось изменить его мнение в удобную ей сторону. Нельзя без тревоги смотреть на их близость, установившуюся так скоро, хотя я с трудом могу вообразить, что леди Сьюзан уже подумывает о свадьбе. Я бы очень хотела, чтобы Вы смогли заманить Реджинальда домой под любым благовидным предлогом; он совершенно не намерен покидать нас, а я так часто намекала на слабое здоровье отца, насколько позволяли мне правила приличия. Сейчас власть леди Сьюзан над моим братом, должно быть, безгранична, поскольку ей удалось свести на нет его предубеждение. Он не просто забыл, но и оправдал ее поступки. Сведения о ее поведении в Ленгфорде, предоставленные мистером Смитом, в которых он обвиняет леди Сьюзан в том, что она влюбила в себя до безумия и мистера Мейнверинга, и молодого человека, обрученного с мисс Мейнверинг, и которым Реджинальд полностью доверял, когда приехал к нам, – теперь, с точки зрения моего брата, просто откровенный поклеп на нее. Он сам сказал мне об этом, и в его голосе звучала нежность. Это позволило мне понять, как сильно он сожалеет, что раньше верил обвинениям. О, как я скорблю о том, что леди Сьюзан вообще переступила порог нашего дома! Я всегда с некоторой тревогой ожидала ее приезда; но тревога эта происходила вовсе не из беспокойства о Реджинальде. Я подозревала, что она не станет мне приятной собеседницей, но и представить не могла, что моего брата хоть на миг может очаровать женщина, с чьими моральными принципами он был так хорошо знаком и чей нрав он так горячо презирал. Если Вам удастся заставить его уехать, Вы совершите доброе дело.

Ваша и так далее

Кэтрин Вернон.

От сэра Реджинальда де Курси к сыну

Парклендс

Мне известно, что молодые люди, как правило, не терпят вмешательства в дела сердечные даже от самых близких людей, но надеюсь, дорогой Реджинальд, что ты окажешься выше этого, не сочтешь отеческое беспокойство назойливостью и не решишь, что вправе отказывать отцу в доверительности и пренебрегать его советом. Ты должен сознавать, что, будучи единственным сыном, к тому же отпрыском древнейшей фамилии, обязан заводить знакомства, которые пригодятся тебе в будущем; что же касается такого чрезвычайно важного дела, как брак, то здесь решается абсолютно все – твое личное счастье, счастье твоих родителей, твоя репутация. Я не думаю, что ты преднамеренно вступишь в подобные отношения, ничего не сообщая мне и своей матери и даже не считая, что следует спросить нашего мнения о предполагаемом союзе; но я не могу не опасаться, что моего сына втянут – к примеру, дама, недавно расположившая его к себе, – в брак, который все твои родственники, близкие и дальние, не могут не порицать. Возраст леди Сьюзан уже сам по себе вызывает серьезные возражения, однако ее дурная репутация – недостаток настолько более серьезный, что на его фоне даже двенадцатилетняя разница в возрасте кажется незначительной. Не будь ты ослеплен ее обаянием, я бы счел нелепым повторять тебе примеры ее преступлений против морали, так хорошо известных свету.

Ее пренебрежение к мужу, ее поощрение внимания других мужчин, ее расточительность и беспутство были столь широко известны, что никто не мог остаться в неведении тогда и позабыть их сейчас. Поведение леди Сьюзан всегда представлялось нашей семье в несколько смягченном свете благодаря великодушию мистера Чарлза Вернона, и тем не менее, несмотря на его благородные старания оправдать ее, мы знаем, что она, руководствуясь абсолютно эгоистическими мотивами, прилагала максимум усилий, чтобы не допустить его брака с Кэтрин.

Мои годы и усиливающаяся немощь заставляют меня желать, чтобы ты нашел свое место в мире. Что касается состояния твоей будущей супруги, то к нему,

благодаря значительной величине собственного, я вполне равнодушен, однако происхождение ее, равно как и нрав, должны быть безупречны. Коль выбор твой остановится на женщине, соответствующей этим требованиям, обещаю тебе, что с готовностью и радостью дам свое согласие на ваш брак; однако долг мой помешать союзу, который можно счесть возможным лишь будучи искусно введенным в обман и который в результате не может не оказаться разрушительным. Возможно, поведение леди Сьюзан объясняется пустым тщеславием или желанием вызвать восхищение мужчины, по ее мнению, особенно предубежденного против нее; но, скорее, она ставит перед собой более серьезные цели. Она бедна, и совершенно естественным для нее было бы искать союз, который принес бы ей выгоду; ты знаешь свои права и то, что не в моих силах помешать тебе унаследовать родовое имение[4 - По закону родовое имение передавалось в наследство старшему сыну автоматически.]. Возможность же мучить тебя, пока я жив, кажется мне низкой мезьей, до которой я вряд ли когда-нибудь опущусь.

Я честно и открыто сообщаю тебе свои соображения и намерения: я хочу воздействовать не на твои страхи, но на твой рассудок и чувство привязанности. Я бы лишился всех радостей жизни, если бы знал, что ты женился на леди Сьюзан Вернон; это означало бы гибель для гордости, которую я до сих пор испытывал, думая о своем сыне; я бы краснел, видя его, слыша и вспоминая о нем. Возможно, письмо мое ничего не изменит, а лишь даст мне возможность облегчить свою совесть; но я счел своим долгом сообщить тебе, что твоя симпатия к леди Сьюзан не представляет тайны для твоих друзей, и предостеречь тебя против нее. Я был бы рад услышать причины, заставившие тебя не доверять уму мистера Смита: еще месяц назад ты ни на йоту не сомневался в нем. Если ты сумеешь уверить меня в том, что не планируешь ничего большего, нежели просто наслаждаться беседой с умной женщиной в течение недолгого времени, поскольку восхищаешься лишь ее красотой и интеллектуальными способностями, что они не ослепляют тебя и не мешают видеть ее недостатки, – то я снова буду счастлив; но если тебе это не удастся, объясни мне, по крайней мере, чем вызваны такие значительные перемены в твоем мнении о ней.

Остаюсь, и т. д., и т. п.

Реджинальд де Курси.

От леди де Курси к миссис Вернон

Парклендс

Дорогая Кэтрин,

К несчастью, когда принесли твое последнее письмо, я не выходила из своей комнаты из-за простуды, так сильно воспалившей мои глаза, что я не сумела прочесть его сама и потому не могла отказать твоему отцу, когда он предложил прочесть его мне; таким образом ему и стало известно, к великой моей муке, обо всех твоих страхах по поводу твоего брата. Я собиралась написать Реджинальду сама, как только мои глаза позволят мне это, дабы подчеркнуть, насколько возможно, опасность близкого знакомства такой изворотливой женщины, как леди Сьюзан, с молодым человеком его лет, а также ее, возможно далеко идущие, намерения. Более того, я намеревалась напомнить ему о том, что мы с отцом одиноки и очень нуждаемся в его присутствии, которое только и может поднять нам настроение длинными зимними вечерами. Помогло бы такое письмо или нет, сейчас уже сказать нельзя, но меня чрезвычайно тревожит, что сэр Реджинальд узнал многое из того, что, как мы предвидели, сильно расстроит его. Он понял все твои страхи, и, я уверена, с тех самых пор все это не выходит у него из головы. С той же почтой он отправил Реджинальду длинное письмо, где настойчиво попросил объяснить, какие сведения, возможно полученные им от самой леди Сьюзан, опровергают последние шокирующие известия о ней. Ответ пришел сегодня утром, и я перешлю его тебе, так как, думаю, тебе захочется с ним ознакомиться. К сожалению, письмо не очень успокаивает: похоже, Реджинальд писал его, так настойчиво стараясь не подумать ничего плохого о леди Сьюзан, что его уверения не принесли успокоения моей душе. Впрочем, я изо всех сил пытаюсь утешить твоего отца, и с тех пор, как он получил ответ сына, тревога его явно утихла. Какая досада, милая Кэтрин, что ваша непрошенная гостья не только мешает нам встретиться на Рождество, но и является причиной великого беспокойства и волнения! Поцелуй за меня дорогих деток.

Твоя любящая мать

К. де Курси.

От мистера де Курси к сэру Реджинальду

Черчилл

Дорогой сэр,

Я только что получил Ваше письмо, вызвавшее у меня такое изумление, какого я еще не испытывал. Полагаю, мне следует поблагодарить сестру за то, что она представила меня Вам в черном цвете, вызвав у Вас сильное беспокойство. Не знаю, зачем она растревожила и себя, и всю семью, опасаясь события, которое, уверяю Вас, никто, кроме нее самой, не считает возможным. Обвинять в подобных коварных планах леди Сьюзан означало бы совершенно отказать ей в превосходном уме, опровергать который не решались даже злейшие ее враги; и так же низко должны упасть мои притязания на наличие рассудка, если в моем отношении к ней подозревают присутствие матримониальных планов. Наша разница в возрасте является непреодолимым препятствием для брака, и я умоляю Вас, дорогой отец, успокоиться и больше не давать пищи для подозрения, нарушающего как Ваш душевный покой, так и наше взаимопонимание. Общаясь с леди Сьюзан, я не вынашиваю никаких планов, кроме как наслаждаться некоторое время (как Вы сами изволили выразиться) беседой с женщиной, обладающей удивительными интеллектуальными способностями. Если бы миссис Вернон позволила своей гостье проявить привязанность к ней и ее супругу на протяжении ее визита, она бы оказала значительную услугу всем нам; однако моя сестра, к сожалению, предубеждена против леди Сьюзан, и переубедить ее не представляется возможным. Испытывая привязанность к мужу, что само по себе делает ей честь, миссис Вернон не может простить стараний не допустить их союза, которые приписывали эгоистичности леди Сьюзан; однако в данном случае – как и во многих других – свет нанес сей даме ужасную обиду, предположив наихудшее там, где мотивы ее поведения не были достоверно известны. Леди Сьюзан услышала нечто, очерняющее мою сестру, и потому попыталась убедить ее, что счастье мистера Вернона, к которому она всегда испытывала глубокую привязанность, будет совершенно разрушено этим браком. И данное обстоятельство, объясняющее истинные мотивы поведения леди Сьюзан и

снимающее все обвинения, в таком изобилии сыпавшиеся на нее, может также показать нам, как мало следует верить общественному мнению о ком бы то ни было, поскольку ни один человек, как бы честен он ни был, не может избежать недоброжелательства и клеветы. Если даже моя сестра, живя в уединении и замкнутости, не имея ни малейшей возможности захотеть поступить дурно, не смогла избежать осуждения, мы не должны так поспешно порицать тех, кто, живя на виду и будучи окруженными соблазнами, подвергаются обвинениям в грехах, которые, как всем известно, они вполне могли бы совершить.

Я сурово порицаю себя за то, что так легко поверил клеветническим басням, придуманным Чарлзом Смитом с целью вызвать у меня предубеждение против леди Сьюзан, ибо сейчас я уверился в том, как сильно они очернили ее. Что же касается ревности миссис Мейнверинг, то это была очередная его выдумка; и сообщения о том, как леди Сьюзан привязала к себе возлюбленного мисс Мейнверинг, имеют под собой ничуть не больше почвы. Эта юная дама постаралась привлечь к себе внимание сэра Джеймса Мартина; а поскольку он человек небедный, то не составит особого труда разгадать ее планы. Ведь ни для кого не секрет, что мисс Мейнверинг страстно желает найти выгодную партию, и, следовательно, не стоит сочувствовать тому, что она потеряла (исключительно потому, что другая женщина оказалась более привлекательной) возможность разрушить жизнь богатого человека. Леди Сьюзан, со своей стороны, была далека от мысли о подобном завоевании и, выяснив, как глубоко задело мисс Мейнверинг такое непостоянство ее возлюбленного, решила, несмотря на страстные мольбы мистера и миссис Мейнверинг, покинуть их семейство. У меня есть причины полагать, что она все же получила предложение от сэра Джеймса, но ее отъезд из Ленгфорда сразу же после того, как она узнала о его чувствах к ней, должен оправдать ее в этом отношении с точки зрения любого чистого сердцем человека. Я уверен, дорогой сэр, Вы и сами поймете, что это святая правда, и таким образом сможете отдать должное обиженной женщине. Я знаю, приезд леди Сьюзан в Черчхилл был вызван лишь чрезвычайно благородными намерениями; ее благоразумие и бережливость выше всяких похвал, уважение к мистеру Вернону полностью соответствует даже таким многочисленным достоинствам, как у него, а желание получить одобрение моей сестры заслуживает более благожелательной реакции, чем до сих пор была получена. Леди Сьюзан исключительная мать; о ее огромной любви к ребенку свидетельствует желание поместить дочь в такое заведение, где бы ей дали надлежащее воспитание; но из-за того, что ей не свойственно слепое и слабовольное обожание, присущее большинству матерей, ее обвиняют в недостатке материнской нежности. Однако любой здравомыслящий человек оценит и одобрит ее целенаправленную заботу и присоединится к моим

пожеланиям, чтобы Фредерика Вернон оказалась более достойной нежной заботы своей матери, чем это было до сих пор. Таким образом, дорогой отец, я сообщил Вам свое истинное мнение о леди Сьюзан; из этого письма Вы поймете, как сильно я восхищен ее способностями и почитаю ее характер; но если Вы все еще не полностью убедились, после моих торжественных заверений, что Ваши опасения были совершенно напрасны, то Вы глубоко обидите и огорчите меня.

Остаюсь, и т. д., и т. п.

Р. де Курси.

XV

От миссис Вернон к леди де Курси

Черчилл

Дорогая матушка,

Возвращаю Вам письмо Реджинальда и всем сердцем радуюсь, что оно развеселило отца: так ему и передайте вместе с моими поздравлениями; однако же, между нами, должна признаться: меня оно убедило лишь в том, что у моего брата нет намерения жениться на леди Сьюзан на сегодняшний день, а не в том, что ему не угрожает опасность поступить так три месяца спустя. Он предлагает достаточно благовидное объяснение ее поведения в Ленгфорде; хотелось бы, чтобы это было правдой, однако полученные им сведения, должно быть, предоставлены леди Сьюзан, и я не склонна верить им. Остается оплакивать степень близости, существующую между ними, которую можно предположить, учитывая обсуждение подобного предмета. Мне жаль, что я вызвала неудовольствие Реджинальда, но, боюсь, ничего иного ожидать не приходится, пока он так усерден в попытке оправдать леди Сьюзан. Он на самом деле очень суров со мной, и все же, надеюсь, мое суждение о ней не было поспешным. Бедная женщина! И хотя у меня достаточно оснований не любить ее, сейчас я не могу не испытывать к ней жалости, так как она в настоящей беде, и причины для этого более чем серьезны. Сегодня утром она получила письмо от дамы, в

чье заведение поместила свою дочь. В письме излагалась просьба как можно скорее забрать девочку, поскольку та была поймана при попытке сбежать. Зачем Фредерика собиралась скрыться и куда, неизвестно; но, так как обращались с ней, по-видимому, прекрасно, это все очень грустно и, конечно же, чрезвычайно огорчительно для леди Сьюзан. Фредерике, должно быть, уже шестнадцать, и ей следовало бы проявлять больше благоразумия; но исходя из намеков, которые делает ее мать, боюсь, она испорченная девчонка. Впрочем, ее воспитанием, к сожалению, никто не занимался, и леди Сьюзан не должна забывать об этом. Лишь только она решила, как следует поступить, мистер Вернон тут же отправился в Лондон. Он должен, если это вообще возможно, убедить мисс Саммерс позволить Фредерике продолжить обучение; а если ему это не удастся – то привезти бунтарку в Черчхилл, где она будет жить до тех пор, пока для нее не подыщут другое место. Ее светлость тем временем пытается успокоиться, прогуливаясь по аллее вместе с Реджинальдом. Полагаю, она вызывает у него огромное сочувствие по поводу сложившейся ситуации. И со мной леди Сьюзан тоже очень много говорила об этом. Она превосходная собеседница; боюсь показаться невежливой, иначе сказала бы – слишком уж превосходная, чтобы действительно глубоко переживать случившееся; но я не стану специально искать в ней недостатки: она ведь может стать женой Реджинальда! Не дай Бог! Но не стоит мне пытаться быть прозорливее других. Мистер Вернон утверждает, что никогда еще не видел такого глубокого огорчения, какое испытала она, когда получила это письмо; а разве он менее проникателен, чем я? Леди Сьюзан очень не хотелось, чтобы мы разрешали Фредерике приехать сюда, в Черчхилл; и она права: ведь это может быть воспринято как некая награда за поведение, заслуживающее чего-то совершенно иного; но больше ее отправить некуда, а здесь она пробудет недолго. «Совершенно необходимо, – сказала леди Сьюзан, – как Вы, любезная сестра, должны понимать, обращаться с моей дочерью, пока она здесь, с определенной долей суровости; необходимость эта причиняет мне сильную боль, но я буду стараться смириться с нею. Боюсь, я слишком часто была чересчур снисходительна к ней, но нрав моей бедной Фредерике никогда не позволял ей мириться с запретами. Вы должны поддерживать и подбадривать меня; Вы должны настаивать на продолжении наказания, если увидите, что сердце мое смягчается». Все это звучит очень благоразумно. Реджинальд настроен решительно против бедной глупышки. Конечно, леди Сьюзан не делает чести то, что он ожесточен против ее дочери; его мнение о Фредерике, должно быть, сформировалось под воздействием рассказов ее матери. Что ж, какова бы ни была судьба моего брата, пусть нас утешает сознание того, что мы сделали все возможное, дабы уберечь его. Теперь придется положиться на волю Небес.

Всегда Ваша и т. д.

Кэтрин Вернон.

XVI

От леди Сьюзан к миссис Джонсон

Черчилл

Никогда еще, дорогая Алисия, я не была так рассержена, как сегодня утром, получив письмо от мисс Саммерс. Эта ужасная девчонка пыталась сбежать! Я и не догадывалась, что она настоящий дьяволенок; мне казалось, что в ней сосредоточилась вся кротость Вернонов; но, получив письмо, в котором я поведала Фредерике о моих намерениях касательно сэра Джеймса, она действительно попыталась удрать; по крайней мере, иной причины для подобного поступка я не вижу. Думаю, она собиралась отправиться в Стаффордшир, к Кларкам, поскольку других знакомых у нее нет. Но я накажу ее: она выйдет за него. Я отправила Чарлза в город, чтобы он попробовал все уладить, поскольку Фредерика ни в коем случае не должна мне здесь мешать. Если мисс Саммерс откажется принять ее назад, непременно найди для моей дочери другую школу, если только нам не удастся сразу же выдать ее замуж. Мисс С. передала мне записочку, в которой сообщила, что так и не смогла заставить юную леди объяснить причину своего неслыханного проступка, и это только убеждает меня в правильности моего предположения. Полагаю, Фредерика слишком робка и слишком боится меня, чтобы рассказывать сказки, но если ее снисходительный дядюшка и сумеет вытащить из нее какие-то детали, я этого не боюсь. Я знаю, мой рассказ будет ничуть не хуже ее. Если я и горжусь чем-то, так это своим красноречием. Внимание и уважение так же неизбежно следуют за умением поддерживать беседу, как восхищение является результатом красоты, а здесь у меня достаточно возможностей для проявления своих талантов, так как большую часть времени я провожу в беседах.

Реджинальд чувствует себя неловко в присутствии других людей, и когда погода позволяет, мы часами гуляем вдвоем по аллее. В общем, он очень мне нравится: он умен, и ему есть что рассказать, но иногда он дерзок и назойлив. Реджинальд

чрезвычайно чувствителен, и эта чувствительность требует предоставлять ему самую полную информацию обо всем, что ему довелось обо мне слышать (и не в мою пользу), и он не успокаивается, пока не решит, что выяснил все от начала и до конца. Это тоже любовь, но, вынуждена признаться, она мне не очень-то импонирует. Я безусловно предпочитаю нежный и великодушный нрав Мейнверинга – он, полностью убежденный в моих достоинствах, довольствуется мыслью о том, что все, что я делаю, правильно, – и отношусь с большой долей презрения к назойливым и подозрительным выдумкам сердца, которое, кажется, всегда сомневается в разумности своих чувств. Мейнверинг и правда во всех отношениях превосходит Реджинальда – превосходит во всем, кроме возможности быть со мной! Бедняга! Его приводит в смятение ревность, но мне его не жаль, ведь я не знаю лучшего способа сделать любовь сильнее. Он выпрашивал у меня разрешения приехать сюда, в поместье, и поселиться поблизости, инкогнито; но я запретила ему подобные глупости. Нет прощения женщинам, забывающим, как им следует себя вести, и игнорирующим мнение света.

Всегда твоя

С. Вернон.

XVII

От миссис Вернон к леди де Курси

Черчилл

Дорогая матушка,

Мистер Вернон вернулся в четверг вечером и привез с собой племянницу. Днем леди Сюзан получила от него сообщение, где говорилось, что мисс Саммерс наотрез отказалась разрешить мисс Вернон и дальше пребывать в ее пансионе; таким образом, ее появление не стало для нас неожиданностью, и мы весь вечер с нетерпением ожидали их приезда. Они прибыли, когда мы пили чай, и я еще никогда не видела такого напуганного создания, как Фредерика, когда она

вошла в комнату. Леди Сьюзан, еще недавно проливавшая слезы и проявлявшая большое возбуждение от скорой встречи, приняла ее с превосходным самообладанием и не проявила ни малейшей душевной нежности. Она почти не разговаривала с дочерью, а когда Фредерика расплакалась, как только все уселись за стол, тут же увела ее и некоторое время не возвращалась. Когда же леди Сьюзан вернулась, глаза у нее были красными, и она опять была столь же взволнованна, как и ранее. Больше мы ее дочери не видели. Бедный Реджинальд чрезвычайно встревожился, видя своего прекрасного друга в таком горе, и наблюдал за леди Сьюзан с таким нежным беспокойством, что я едва не вышла из себя, поймав ее на явном ликовании, когда она заметила выражение его лица. Это душераздирающее представление продолжалось весь вечер, и такая нарочитая и искусная игра окончательно убедила меня в том, что леди Сьюзан, по правде говоря, совершенно ничего не чувствует. Сейчас, увидев ее дочь, я еще больше сердита на мать: бедное дитя выглядит таким несчастным, что у меня за нее вся душа изболелась. Леди Сьюзан, очевидно, слишком сурова к ней, ведь Фредерика не производит впечатления ребенка, вынуждающего родителей к подобной строгости. Она кажется робкой, подавленной и раскаивающейся в своем проступке. Девушка очень миловидна, хоть и не так красива, как мать, и вообще совершенно не похожа на леди Сьюзан. Лицо у Фредерики бледное, но вовсе не такое фарфоровое и цветущее, как у матери, да и всем обликом девочка пошла в Вернонов: у нее овальное лицо и темные кроткие глаза, а когда она говорит со мной или со своим дядей, в ее взоре появляется особая нежность – поскольку мы обращаемся с ней по-доброму, неудивительно, что она испытывает к нам благодарность.

Ее мать намекала на то, что характер у Фредерики несговорчивый, но я еще не встречала человека, лицо которого вызывало бы так мало подозрений в дурном нраве, как у нее; а исходя из того, что я вижу, когда обращаю внимание на отношения матери и дочери – неизменную суровость леди Сьюзан и тихую меланхолию Фредерики, – я склонна считать, что первая не испытывает настоящей любви к последней, никогда не отдавала ей должного и не обращалась с ней ласково. У меня еще не было возможности побеседовать с племянницей; она застенчива, и кроме того, мне кажется, я вижу признаки того, что некто прилагает значительные усилия, стремясь помешать нам долго оставаться наедине. Ничего удовлетворительного касательно причин, по которым она пыталась сбежать, узнать пока не удалось. Вы можете быть уверены в том, что ее добросердечный дядя слишком боялся огорчить ее и потому не задавал много вопросов, пока они добирались сюда. Жаль, я не могла отправиться за ней вместо него. Думаю, на протяжении тридцатимильного путешествия мне удалось бы узнать правду. За эти несколько дней по просьбе

леди Сьюзан в гардеробную ее дочери поставили маленькую пианолу, и большую часть дня Фредерика проводит там, «упражняясь», как она это называет; но когда я прохожу мимо комнаты, то редко слышу, чтобы оттуда доносились хоть какие-то звуки, и чем она там занимается, будучи совершенно одна, мне неизвестно. Конечно, там очень много книг, но не каждая девочка, первые шестнадцать лет своей жизни не получавшая никакого образования, сможет или захочет читать. Бедное создание! Вид из ее окна открывается не очень поучительный, ведь окна этой комнаты, как Вам известно, выходят на лужайку, по одну сторону которой расположена аллея, и девочка может наблюдать за своей матерью, которая часами прогуливается по ней, оживленно беседуя с Реджинальдом. Барышня возраста Фредерики должна быть совершенно наивной, чтобы подобное поведение не шокировало ее. Разве можно оправдать подобный пример, который мать подает собственной дочери? И тем не менее Реджинальд считает леди Сьюзан превосходной матерью и по-прежнему осуждает Фредерику и относится к ней как к негодной девчонке! Он убежден, что ее попытка убежать вызвана совершенно неуважительной причиной и на самом деле не была ничем спровоцирована. Конечно, я не могу утверждать, что бегство кто-то спровоцировал, но поскольку мисс Саммерс заявляет, что мисс Вернон не выказывала никаких признаков упрямства или греховности во время пребывания на Вигмор-стрит, пока ее не застали за попыткой осуществить известные планы, я не могу с готовностью доверять тому, в чем леди Сьюзан убедила моего брата и пытается убедить меня, – что именно нетерпимость по отношению к запретам и желание избежать наставления учителей создали в голове Фредерики план побега. О Реджинальд, насколько предвзяты твои суждения! Он почти не осмеливается признать даже привлекательность бедняжки, и когда я говорю о ее красоте, он отвечает лишь, что глаза ее лишены блеска! Иногда он уверен в том, что Фредерика недоразвита, а в другое время – что всему виной лишь ее нрав. Говоря коротко, когда тебя постоянно обманывают, невозможно оставаться твердым в своем мнении. Леди Сьюзан считает необходимым обвинять во всем саму Фредерику и, возможно, иногда полагает выгодным сетовать на ее дурной нрав, а иногда – жаловаться на недостаточный уровень ее развития. Реджинальд всего лишь повторяет слова ее светлости.

Остаюсь, и т. д., и т. п.

Кэтрин Вернон.

От той же к той же

Черчилл

Дорогая матушка,

Я очень рада, что мое описание Фредерики Вернон заинтересовало Вас, поскольку искренне считаю, что она безусловно заслуживает Вашего внимания; а когда я сообщу Вам об одном интересном происшествии, которое недавно поразило меня, Ваше доброе о ней мнение, уверена, еще усилится. Я не могу не предположить, что Фредерика неравнодушна к моему брату – слишком часто я замечаю, как ее взгляд прикован к его лицу, а на ее лице написано выражение печального восхищения. Реджинальд, безусловно, очень красив; более того, в его манерах есть некая прямота, наверняка весьма располагающая, и я не сомневаюсь, что девочка это чувствует. Ее лицо, обычно задумчивое и печальное, всегда озаряется улыбкой, когда он говорит что-то забавное, и какой бы серьезной ни была тема, на которую он распространяется, я ошибусь, если скажу, что хотя бы один слог ускользает от ее внимания. Я хочу открыть ему на это глаза, ведь нам известно, какой властью благодарности обладает над таким сердцем, как у него; и если безыскусная любовь Фредерики сможет отвлечь Реджинальда от ее матери, то мы благословим тот день, когда девочка прибыла в Черчилл. Думаю, дорогая матушка, Вы были бы рады назвать ее своей дочерью. Разумеется, она очень молода, получила никудашнее воспитание и имела перед глазами пример ужасного легкомыслия в лице своей матери; но все же могу свидетельствовать, что нрав ее превосходен, а врожденные способности очень хороши. И хотя Фредерика не обладает изысканными манерами, она вовсе не так невежественна, как можно было бы ожидать, любит книги и значительную часть времени читает. Сейчас девочка предоставлена сама себе, и я стараюсь как можно чаще бывать с ней и прилагаю массу усилий, дабы преодолеть ее робость. Мы стали добрыми друзьями, и хотя при матери Фредерика никогда и рта не раскрывает, она довольно много говорит, когда остается со мной наедине, из чего становится совершенно ясно: обращайся с ней леди Сьюзан как подобает, девушка производила бы куда более выгодное впечатление. На всем свете нет более мягкого и любящего сердца, когда Фредерика чувствует себя свободно; а двоюродные братики и сестрички просто без ума от нее.

Ваша любящая дочь

К. Вернон.

XIX

От леди Сьюзан к миссис Джонсон

Черчилл

Знаю, тебе не терпится узнать новости о Фредерике, и возможно, ты укоряешь меня за невнимательность, за то, что я не написала раньше. Дядя привез ее в четверг, две недели назад, и я, разумеется, не стала терять времени даром, а потребовала объяснить мне причину ее дурного поведения; и вскоре выяснила, что была абсолютно права, решив, что все дело в моем письме. Предстоящее замужество сильно напугало Фредерику, и, руководствуясь детской испорченностью и глупостью, она решила уйти из школы, сесть в дилижанс и отправиться прямо к своим друзьям, Кларкам; и успела преодолеть уже две улицы на этом пути, когда, к счастью, ее хватились, пустились в погоню и догнали. Таков был первый значительный подвиг мисс Фредерики Вернон; и если вспомнить о том, что совершен он был в нежном шестнадцатилетнем возрасте, становится ясно, что в дальнейшем стоит ожидать еще более выдающихся предвестников ее славы. Впрочем, я чрезвычайно рассержена на мисс Саммерс, не позволившую девчонке остаться в ее заведении; это решение кажется мне таким неуместным проявлением щепетильности, учитывая связи семьи, к которой принадлежит моя дочь, что я могу предположить лишь одно, а именно: почтенной дамой двигала боязнь не получить денег за содержание упрямыцы. Как бы там ни было, Фредерику вернули в лоно семьи; и поскольку мне больше нечем ее занять, она продолжает следовать плану романтической связи, начавшейся еще в Ленгфорде. Она действительно влюбляется в Реджинальда де Курси! Ей недостаточно было послушаться матери, отклонив столь выгодное предложение; оказывается, любовь свою она тоже намерена дарить, не испросив материнского благословения! Мне еще не доводилось видеть, чтобы девушка ее возраста так явно стремилась стать всеобщим посмешищем. Чувства Фредерики достаточно сильно обострены, и она так очаровательно и безыскусно демонстрирует их, что невольно возникает обоснованное опасение, что она

будет выглядеть нелепо и мужчины станут презирать ее.

Безыскусность никуда не годится в любовных делах; а эта девушка – врожденная простофиля, и безыскусна она либо по своей природе, либо оттого, что напускает на себя такой вид. Я еще не знаю, догадался ли Реджинальд о ее намерениях и будет ли это иметь какие-то последствия. Сейчас он совершенно равнодушен к ней, а догадайся он о ее чувствах – стал бы презирать. Верноны весьма восхищены красотой Фредерики, но на него она не произвела впечатления. Она в большом фаворе у тетушки – поскольку в ней нет почти ничего от меня, разумеется. Моя дочь идеальная компаньонка для миссис Вернон, которая очень любит проявлять твердость и предпочитает быть единственным собеседником, высказывающим мудрые и вместе с тем остроумные мысли, а Фредерике ее не затмить. Когда моя дочь только приехала, я прилагала определенные усилия для того, чтобы не позволить ей слишком часто общаться с тетей; но сейчас я успокоилась, поскольку считаю, что могу положиться на то, что Фредерика во время их бесед станет придерживаться правил, продиктованных мной. Но ты не думай: проявляя столько милосердия, я ни на минуту не отказалась от планов на ее замужество. Нет; в этом вопросе я непреклонна, хоть пока и не придумала, каким образом все осуществить. Мне, конечно же, не следует заводить разговор об этом здесь, иначе над моими планами задумаются мудрые головы мистера и миссис Вернон; а ехать в город мне сейчас не с руки. Таким образом, мисс Фредерике придется немного подождать.

Всегда твоя

С. Вернон.

XX

От миссис Вернон к леди де Курси

Черчилл

Мы сейчас принимаем весьма неожиданного гостя, милая матушка. Он приехал только вчера. Я услышала, как у дверей остановился экипаж, так как сидела с детьми, пока они обедали; и предположив, что могу понадобиться, вышла из детской и уже прошла полпути вниз по лестнице, когда Фредерика, бледная как полотно, взбежала наверх и проскочила в свою комнату. Я тут же последовала за ней и заинтересовалась, что произошло. «Ах! – воскликнула она. – Он приехал... сэр Джеймс приехал. Что же теперь со мной будет?» Ее фраза ничего мне не объяснила, и я стала умолять девушку открыться мне. Однако нас прервал стук в дверь: это был Реджинальд, и пришел он по просьбе леди Сьюзан – чтобы попросить Фредерику спуститься. «Это мистер де Курси, – сказала она и густо покраснела. – Маменька хочет меня видеть; мне нужно идти». Мы спустились все вместе, и я заметила, что брат с изумлением рассматривает искаженное ужасом лицо Фредерики. В комнате для завтраков мы нашли леди Сьюзан и импозантного молодого человека, которого она представила нам как сэра Джеймса Мартина – того самого, как Вы помните, кого, как говорили, она пыталась отбить у мисс Мейнверинг; но его расположения она добивалась, похоже, не для себя или же с тех пор решила переключить его внимание на свою дочь, так как на данный момент сэр Джеймс Мартин отчаянно влюблен в Фредерику, на что получает полное одобрение ее маменьки. Впрочем, я уверена, бедная девочка не любит его; и хотя и нрав его, и обращение весьма приятны, и мне, и мистеру Вернону он кажется слишком слабовольным. Когда мы вошли в комнату, Фредерика так смутилась и растерялась, что я от всего сердца посочувствовала ей. Леди Сьюзан была чрезвычайно предупредительна с посетителем; и все же, как мне показалось, не испытывала особого восторга от встречи с ним. Сэр Джеймс много говорил и постоянно извинялся передо мной за то, что осмелился прибыть в Черчхилл без приглашения, причем смеялся куда чаще, чем то позволял предмет разговора, то и дело повторялся и трижды сообщил леди Сьюзан, что недавно, как-то вечером, видел миссис Джонсон. Время от времени он обращался к Фредерике, но куда как чаще – к ее матери. Бедная девочка все это время просидела, не разжимая губ и опустив глаза; она то бледнела, то краснела; Реджинальд молча наблюдал за происходящим. Наконец леди Сьюзан, устав, я полагаю, от неловкой ситуации, предложила пройтись; мы оставили джентльменов вдвоем и отправились за мантильями. Когда мы поднимались по лестнице, леди Сьюзан попросила позволения побеседовать со мной в моей маленькой гостиной, так как ей не терпелось поговорить тет-а-тет. Я провела ее туда, и как только дверь закрылась, она заметила: «Я еще никогда не была так удивлена, как сегодня, при виде сэра Джеймса, и его неожиданное появление требует от меня принести Вам, дорогая сестра, извинения; хотя лично мне, как матери, этот поступок чрезвычайно льстит. Он так сильно любит мою дочь, что больше не мог жить, не имея

возможности взглянуть на нее. Сэр Джеймс – молодой человек добродушного нрава и превосходной репутации; возможно, он немного болтлив, но через несколько лет этот незначительный недостаток пройдет; а в остальном он такая прекрасная партия для Фредерики, что я всегда с большим удовольствием наблюдала за проявлениями его чувств; и я убеждена: и Вы, и мой брат сердечно поздравите молодых с их союзом. Я еще никому не намекала на эту возможность, так как считала: пока Фредерика в школе, лучше держать все в тайне; но теперь, когда я убедилась в том, что моя дочь уже выросла и совершенно не желает находиться в подобном заведении, я начала рассматривать ее союз с сэром Джеймсом как весьма скорый и уже несколько дней собираюсь посвятить Вас и мистера Вернона в подробности данного мероприятия. Я уверена, дорогая сестра, Вы простите меня за то, что я так долго скрывала от вас свои планы, и согласитесь: следует проявлять осторожность и не афишировать подобные обстоятельства, если возможность их осуществления по какой-либо причине остается несколько неопределенной. Когда через несколько лет Вы познаете счастье вручить свою милую маленькую Кэтрин мужчине настолько же безупречного происхождения и репутации, Вы поймете, что я чувствую сейчас; впрочем, благодарение Небесам, у Вас не будет причин ликовать по поводу подобного события, как это делаю я. Кэтрин будет прекрасно обеспечена, а ее благополучие не станет, в отличие от моей Фредерики, зависеть от удачного замужества». Закончила она тем, что попросила поздравить ее. Я так и поступила, хоть и сделала это несколько неловко, как мне показалось; по правде сказать, неожиданное открытие в такой важной области лишило меня способности высказываться достаточно четко. Впрочем, леди Сьюзан чрезвычайно любезно поблагодарила меня за участие в ее судьбе и судьбе ее дочери, после чего добавила: «Мне не свойственно говорить красиво, дорогая миссис Вернон, и я никогда не обладала счастливым талантом проявлять чувства, коих не испытываю; и потому я убеждена, Вы поверите мне, когда я скажу Вам, что как бы много похвал ни слышала я в ваш адрес, до того как познакомилась с Вами лично, я и не догадывалась, что люблю Вас так, как люблю теперь; и должна добавить: Ваше дружеское расположение ко мне еще отраднее потому, что у меня есть причины подозревать кое-кого в попытке настроить Вас против меня. Мне только жаль, что те, кто имеет благие намерения, кем бы они ни были, не могут видеть, в каких отношениях мы с Вами теперь пребываем, и не могут понять искренней симпатии, которую мы испытываем друг к другу. Но не буду Вас более задерживать. Да благословит Вас Господь за Вашу доброту ко мне и моей девочке, и да продлит Он Ваши дни». Что можно сказать о такой женщине, милая матушка? Какая искренность, какая торжественность речи! И все же не могу не сомневаться в правдивости ее слов. Возвращаюсь к Реджинальду. Полагаю, он не знает, что и думать обо всем

этом. Когда приехал сэр Джеймс, брат казался воплощением изумления и недоумения; глупость молодого человека и растерянность Фредерики полностью поглотили его внимание; и хотя небольшая приватная беседа с леди Сьюзан определенным образом повлияла на моего брата, уверена, он все еще обижен на нее за то, что она позволила подобному мужчине ухаживать за ее дочерью. Сэр Джеймс, проявив потрясающее хладнокровие, напросился погостить у нас несколько дней – он надеялся, что мы не сочтем это эксцентричным, хоть и понимал, сколь дерзок подобный поступок, но осмелился совершить его на правах родственника; а в заключение, рассмеявшись, заявил, что очень скоро действительно может стать нам родственником. Даже леди Сьюзан, как мне показалось, пришла в замешательство от подобного нахальства; я уверена, в глубине души она искренне желала, чтобы он уехал. Но мы должны что-то предпринять ради бедной девочки, если ее чувства действительно таковы, как подозреваем я и ее дядя. Ее ни в коем случае нельзя приносить в жертву практичности или амбициям, и нельзя допускать, чтобы она страдала от страха перед этим. Девушка, чье сердце способно отметить Реджинальда де Курси, заслуживает – как бы равнодушен он к ней ни был – лучшей судьбы, нежели стать супругой сэра Джеймса Мартина. Как только мне удастся остаться с Фредерикой наедине, я выясню правду; но она, похоже, старается избегать меня. Надеюсь, причиной тому не злые помыслы и не окажется, что я была о ней слишком хорошего мнения. То, как она вела себя с сэром Джеймсом, определенно говорит о крайней степени ее смущения и растерянности, но ничего похожего на поощрение его ухаживаний я в этом не усматриваю.

Adieu, дорогая матушка.

Ваша и т. д.

К. Вернон.

XXI

От мисс Вернон к мистеру де Курси

Сэр,

Надеюсь, Вы простите мне эту вольность; меня к ней принудило величайшее горе, в противном случае я бы не осмелилась побеспокоить Вас. Я очень несчастна из-за сэра Джеймса Мартина, и у меня нет никого другого на всем белом свете, кому я могла бы написать, кроме Вас, поскольку мне запрещено даже разговаривать с дядюшкой и тетушкой на эту тему; и поскольку это так, я боюсь, что мое обращение к Вам покажется весьма двусмысленным – словно я пытаюсь обмануть маменьку. Но если Вы не примете мою сторону и не убедите ее разорвать помолвку, я просто сойду с ума, ведь я не переношу сэра Джеймса. В целом свете никто, кроме Вас, не может иметь ни малейшей возможности переубедить ее. Таким образом, если Вы проявите неслыханную доброту, заступитесь за меня перед ней и убедите мою мать отослать сэра Джеймса прочь, я буду более обязана Вам, нежели в состоянии выразить. Он мне никогда не нравился, я невзлюбила его с первого взгляда – это вовсе не внезапный каприз, уверяю Вас, сэр; я всегда считала его глупым, дерзким и неприятным человеком, а сейчас он стал даже хуже, чем был. Я скорее предпочту работать ради куска хлеба, чем выйти за него замуж. Не знаю, как мне извиниться перед Вами за это письмо; я понимаю, что совершаю неслыханную вольность. Я осознаю, до какой степени оно рассердит маменьку, но у меня нет иного выхода.

Остаюсь, сэр, Вашей покорнейшей слугой

Ф.С.В.

XXII

От леди Сьюзан к миссис Джонсон

Черчилл

Это невыносимо! Милейший друг, никогда еще я не испытывала такой ярости и должна облегчить душу, написав тебе, поскольку знаю, что ты поделишь мои чувства. Ты не поверишь, кто приехал к нам в четверг – сэр Джеймс Мартин! Представь себе мое изумление и досаду – ведь, как тебе прекрасно известно, я вовсе не хотела, чтобы он показывался в Черчилле. Какая жалость, что ты ничего не знала о его намерениях! Но просто приехать ему показалось недостаточно, и он фактически напросился погостить здесь несколько дней. Я

бы с радостью отравила его! Впрочем, я все обернула себе на пользу и с большим успехом побеседовала с миссис Вернон, и каково бы ни было ее мнение на сей счет, она ничем не возразила на мои аргументы. Я также потребовала от Фредерики вести себя с сэром Джеймсом вежливо и дала ей понять, что решительно настаиваю на их браке. Она пробормотала что-то о своем несчастье, но и только. Я в последнее время чрезвычайно беспокоюсь об этом союзе, поскольку имела возможность наблюдать, как быстро крепнут чувства моей дочери к Реджинальду, и не была уверена в том, что, узнав о них, он в конце концов не ответит ей взаимностью. Оба они вызывают у меня лишь презрение, ибо чувства их основываются на сострадании, однако же я ни в коей мере не могла отвергать вероятность того, что последствия не будут такими, как я обрисовала. Разумеется, Реджинальд ни на йоту не охладил ко мне; и все же в последнее время он несколько раз неожиданно и совершенно не к месту упоминал о Фредерике, а однажды даже высказал похвалу ее внешности. Да, он был весьма озадачен появлением моего визитера и сначала рассматривал сэра Джеймса с внимательностью, смешанной, как я, к своему удовольствию, заметила, с ревностью; но, к несчастью, у меня не было возможности помучить Реджинальда по-настоящему, так как сэр Джеймс, хотя и вел себя со мной чрезвычайно галантно, очень скоро дал понять всему почтенному собранию, что сердце его принадлежит моей дочери. Было нетрудно убедить де Курси, когда мы остались тет-а-тет, что если принять во внимание все обстоятельства, то мое желание этого союза полностью оправданно; и все это дело, казалось, завершилось к моему полному удовольствию. Разумеется, ни от кого не укрылось, что сэр Джеймс далеко не Соломон; но я строго-настрого запретила Фредерике жаловаться Чарлзу Вернону или его жене, и таким образом у них не было повода вмешиваться; хотя моя дерзкая золовка, полагаю, только и ждала такой возможности. Впрочем, все шло тихо и мирно; и хотя я считала часы, оставшиеся до отъезда сэра Джеймса, душа моя была полностью удовлетворена ходом событий. Так что можешь себе представить, что я почувствовала, когда все мои планы столь неожиданно рухнули, к тому же удар был нанесен с той стороны, откуда у меня не было никаких причин ожидать его. Сегодня утром ко мне в гардеробную пришел необычно серьезный Реджинальд и после недолгого предисловия весьма многословно сообщил, что желает указать на неуместность и жестокость моего разрешения сэру Джеймсу Мартину ухаживать за моей дочерью супротив ее желаний. Я была поражена в самое сердце. Когда я поняла, что не смогу превратить все в шутку, то спокойно попросила его объясниться, поскольку не понимаю, что им движет и кто его уполномочил выговаривать мне. Тогда он заявил, вставив в свою речь несколько наглых комплиментов и совершенно неуместных проявлений нежности, которые я выслушала с полным равнодушием, что моя дочь ознакомила его с некоторыми обстоятельствами, кои

касались ее, сэра Джеймса и меня и которые вызвали у него сильную тревогу. Говоря коротко, я выяснила, что Фредерика написала Реджинальду письмо, в котором просила вмешаться, а он, получив его, обсудил с ней предмет послания, дабы разобраться в деталях и удостовериться в ее истинных желаниях. У меня нет ни малейшего сомнения в том, что девчонка воспользовалась представившейся возможностью и тут же призналась ему в любви. То, как он говорил о ней, лишь подтверждает мою догадку. Много же пользы принесет ему такая любовь! Я всегда буду презирать мужчину, если его вполне удовлетворит страсть, разжигать которую он никогда и не собирался, да и признания в оной не требовал. Они оба всегда будут вызывать у меня отвращение. Значит, он не испытывает ко мне настоящего чувства, иначе и слушать бы ее не стал; а какова она, эта девчонка с бунтарской душонкой и неприличными желаниями, как она посмела обратиться за помощью к молодому человеку, с которым ранее и словом не перемолвилась?! Меня равно ставит в тупик и ее бесстыдство, и его легковерие. Да как он посмел поверить тому, что она ему наговорила?! Почему он не был убежден в безупречности мотивов моих поступков? Где же уверенность в моем разуме и доброте? Где негодование, которое настоящая любовь непременно вызвала бы в нем по отношению к человеку, поносящему меня, – ребенку, глупой девчонке, не имеющей ни талантов, ни приличного воспитания, которую он вроде бы давно презирает? Какое-то время я молчала, но даже высшая степень снисходительности может истощиться, и надеюсь, затем я вела себя достаточно резко. Реджинальд пытался, долго пытался смягчить мое негодование; но глупа та женщина, которая, будучи обиженной несправедливым обвинением, может смягчиться, услышав комплименты в свой адрес. Наконец он оставил меня, рассерженный не меньше моего; но свой гнев он показал позже. Я вела себя сдержанно, а Реджинальд дал волю бурному возмущению. Полагаю, тем быстрее он успокоится, и возможно, гнев его улетучится навсегда, в то время как мой останется сильным и неумолимым. Сейчас Реджинальд заперся у себя в комнате, куда, как я слышала, он направился, выйдя от меня. Могу себе представить, каким неприятным размышлениям он предается! Но чувства некоторых людей совершенно непостижимы. Я еще не настолько успокоилась, чтобы вынести встречу с Фредерикой. Вот она точно не скоро забудет события этого дня; она узнает, что напрасно рассказала свою нежную сказочку о любви и тем самым выставила себя на посмешище перед всем светом, вызвав к тому же глубочайшую обиду у несправедливо задетой матери.

Любящая тебя

С. Вернон.

От миссис Вернон к леди де Курси

Черчилл

Позвольте поздравить Вас, дражайшая матушка! Роман, вызывавший у нас столько беспокойства, подходит к завершению. Перспективы наши просто восхитительны, и поскольку дела сейчас приняли благоприятный оборот, я сожалею, что поверила Вам свои подозрения и страхи; ведь удовольствие от новости, что опасность миновала, было куплено весьма дорогой ценой Ваших переживаний. Я так взволнована потрясающим известием, что едва удерживаю в пальцах перо; но я твердо решила черкнуть Вам пару строчек и передать их с Джеймсом, дабы Вы получили объяснение тому, что непременно сильно поразит Вас: Реджинальд возвращается в Парклендс. Приблизительно полчаса тому назад я сидела в комнате для завтраков вместе с сэром Джеймсом, когда мой брат попросил меня выйти к нему. Я мгновенно поняла, что это неспроста: лицо его покраснелось и говорил он очень эмоционально; Вы знаете его манеру говорить, матушка, когда что-то волнует его. «Кэтрин, – сказал он мне, – сегодня я уезжаю домой; мне жаль покидать вас, но я должен ехать: я уже давно не видел отца и матушку. Я немедленно вышлю вперед Джеймса с охотничьими собаками; и потому, если у тебя есть письмо, он сможет передать его. Сам я вернусь домой не раньше среды или четверга, так как сначала заеду в Лондон по делам; но прежде чем я покину вас, хочу сказать, – продолжал он, понизив голос, но еще более горячо, – не допустите, чтобы Фредерику сделали несчастной с этим Мартином. Он намеревается жениться на ней; ее мать способствует их союзу, но сама девушка не выносит и мысли об этом. Не сомневайся: говоря тебе это, я совершенно уверен в правдивости своих слов; я точно знаю: Фредерика становится все несчастнее с каждой минутой пребывания здесь сэра Джеймса. Она милая девушка и заслуживает лучшей доли. отошли его поскорее; он просто дурак; но что может задумать ее мать – известно одним лишь небесам! Прощай, – добавил Реджинальд с серьезным видом и сжал мою руку, – не знаю, когда мы с тобой снова свидимся; но помни, что я поведал тебе о Фредерике: ты просто обязана лично позаботиться о ее судьбе, как она того заслуживает – у нее деликатные манеры, а ум намного превосходит тот, который мы раньше готовы были признать в ней». Засим он

покинул меня и взбежал по лестнице к себе. Я решила не пытаться остановить брата, прекрасно понимая, что он должен чувствовать. Мое же расположение духа, когда я слушала его, я даже не в силах описать; минуту или две я просто стояла на месте, охваченная поистине приятнейшим изумлением; впрочем, перед тем как предаться безмятежному счастью, необходимо было все обдумать. Приблизительно через десять минут после моего возвращения в комнату для завтраков туда вошла леди Сьюзан. Я, разумеется, сразу же догадалась, что они с Реджинальдом спорили, и с любопытством стала вглядываться в ее лицо, дабы отыскать в нем подтверждение своему предположению. Однако эта искусная обманщица вела себя как ни в чем не бывало. Поболтав некоторое время о разных пустяках, она обратилась ко мне с такими словами: «Как сообщил мне Вильсон, наша компания должна потерять мистера де Курси – правда ли, что он намерен покинуть Черчхилл сегодня утром?» Я ответила: «Да, так оно и есть». – «А он ничегошеньки не сказал нам вчера вечером, – заметила леди Сьюзан, смеясь, – да и сегодня утром, за завтраком, тоже; впрочем, должно быть, он и сам об этом не знал. Молодые люди иногда принимают весьма неожиданные решения, однако и меняют их столь же быстро. Я бы ничуть не удивилась, если бы он в результате передумал и никуда не поехал». Вскоре после этих слов она вышла из комнаты. Впрочем, милая матушка, я верю, у нас нет причин опасаться, что планы Реджинальда изменятся: все зашло слишком далеко. Должно быть, они поссорились, и наверняка из-за Фредерики. Спокойствие леди Сьюзан изумляет меня. Какое наслаждение Вы испытаете от возможности снова видеть Реджинальда, зная, что он по-прежнему достоин вашего уважения, по-прежнему может быть предметом Вашей гордости! Надеюсь, в следующем письме я смогу сообщить Вам, что сэр Джеймс уехал, леди Сьюзан побеждена, а Фредерику более ничто не тревожит. Нам еще многое предстоит сделать, но все будет хорошо. Я вся в нетерпении: мне хочется узнать, что привело к таким чудесным переменам. Я закончу тем же, с чего и начала – с самых горячих поздравлений.

Всегда Ваша и т. д.

Кэт Вернон.

От той же к той же

Черчилл

Как далека я была от мысли, милая матушка, когда писала Вам в прошлый раз, что восхитительное смятение чувств, охватившее меня тогда, пройдет так быстро и обернется грустью. Я не перестаю корить себя за то, что вообще Вам написала. Однако кто же мог предвидеть последующие события? Дорогая матушка, надежды, сделавшие меня такой счастливой еще два часа назад, исчезли. Предмет ссоры между леди Сьюзан и Реджинальдом улажен, и все вернулось на круги своя. Изменилось лишь одно: сэру Джеймсу Мартину дали отставку. Чего теперь нам ожидать? Я ужасно разочарована; Реджинальд собрался уезжать, уже приказали подать лошадь. Кто бы не ощущал себя в безопасности? Целых полчаса я ожидала, что с минуты на минуту он уедет. Отослав Вам письмо, я пошла к мистеру Вернону и посидела у него, обсуждая сложившуюся ситуацию, а затем решила поискать Фредерику, которую не видела с самого завтрака. Я встретила ее на лестнице и заметила, что она плачет.

– Милая тетушка, – воскликнула она, – он уезжает... мистер де Курси уезжает, и все из-за меня! Боюсь, Вы очень сердитесь на меня, но клянусь Вам, у меня и в мыслях не было, что все может закончиться подобным образом.

– Родная моя, – отвечала я, – и не думай извиняться передо мной. На самом деле я должна чувствовать себя в долгу перед каждым, кому удастся отправить моего брата домой, поскольку, – но тут я опомнилась, – я знаю, как сильно отец хочет повидаться с ним. Но что же такого ты совершила, чем вызвала его отъезд?

Она густо покраснела и ответила:

– Я была так несчастна из-за сэра Джеймса, что просто не могла не... я знаю, что поступила очень дурно, но Вы и представить себе не можете, как я страдала, а маменька запретила мне обращаться к Вам или дядюшке по этому поводу, и я...

– Так значит, ты поговорила с моим братом и попросила его вмешаться, – прервала ее я, чтобы ей не пришлось давать объяснения.

– Нет, но я написала ему... правда написала, я встала сегодня до свету и провела два часа за столом, а когда письмо было закончено, испугалась, что у меня ни за что не хватит духу вручить его. Но после завтрака, направляясь в свою комнату, я встретила с мистером де Курси в коридоре и, понимая, что от этого мгновения зависит все, заставила себя отдать ему письмо. Он был так добр, что сразу же взял его. Я не осмелилась даже посмотреть на него и поскорее убежала. Я очень испугалась и едва дышала. Милая тетюшка, Вы не представляете, как я страдаю в последнее время!

– Фредерика, тебе следовало бы поведать мне все свои печали, – упрекнула я девушку. – Ты бы нашла во мне друга, всегда готового поддержать тебя. Неужели ты думала, что я или дядя не поймем твоих мотивов, в отличие от моего брата?

– Что Вы, я вовсе не сомневалась в Вашей доброте, – возразила она, вновь заливаясь румянцем, – но я думала, что мистер де Курси сможет убедить мою матушку в чем угодно; однако же я ошибалась: они ужасно поссорились из-за меня, и вот теперь он уезжает. Маменька никогда меня не простит, и я окажусь в еще более затруднительном положении, нежели ранее.

– Нет, ни в коем случае! – воскликнула я. – В подобном деле запрет твоей матери не должен был помешать тебе обратиться ко мне за советом. У нее нет никакого права лишать тебя счастья, и я этого не допущу. Впрочем, твоя мольба к Реджинальду о помощи может принести только благо всем заинтересованным лицам. Думаю, то, что случилось, к лучшему. Не сомневайся: ты больше не будешь несчастна.

Можете себе представить мое изумление, когда я увидела, как Реджинальд выходит от леди Сьюзан! Сердце мое сжалось. Его смущение при виде меня не подлежало сомнению. Фредерика тут же исчезла.

– Так ты едешь? – спросила я. – Мистер Вернон у себя.

– Нет, Кэтрин, – отвечал Реджинальд. – Я не еду. Позволь перемолвиться с тобой словом?

Мы вошли в мою комнату.

– Боюсь, – продолжал он, и его смущение возрастало по мере того, как он говорил, – что я действовал со свойственной мне импульсивностью. Я неверно понял леди Сьюзан и собирался покинуть этот дом, составив превратное мнение о поведении ее светлости. Я совершил ужасную ошибку; впрочем, полагаю, ошибались мы все. Фредерика не понимает побуждений матери. Леди Сьюзан желает ей только добра, хотя другом ей становиться не намерена. Таким образом, леди Сьюзан может и не знать, что именно составит счастье ее дочери. Кроме того, я не имел ни малейшего права вмешиваться. Обратившись ко мне, мисс Вернон допустила оплошность. Говоря коротко, Кэтрин, все пошло не так, но теперь все благополучно разрешилось. Уверен, леди Сьюзан хочет обсудить это с тобой, если ты свободна.

– Разумеется, – ответила я, в душе, однако, тяжело вздыхая над такой нелепой историей. Конечно, я не стала ничего говорить, ибо только потратила бы слова впустую.

Реджинальд рад был уйти, а я отправилась к леди Сьюзан, сгорая от нетерпения услышать ее изложение событий.

– Разве я Вам не говорила, – заметила она улыбаясь, – что Ваш брат в конце концов нас не покинет?

– Истинная правда, говорили, – очень серьезно согласилась я. – Но я льстила себя надеждой, что Вы ошибаетесь.

– Я бы не рискнула высказывать подобные соображения, – парировала леди Сьюзан, – если бы в то же мгновение мне не пришло в голову, что его решимость уехать может быть вызвана неким разговором, состоявшимся между нами сегодня утром и окончившимся, к его большому неудовольствию, из-за того что мы не совсем правильно поняли друг друга. Как только меня осенило, я тут же приняла решение, что неожиданные разногласия, в коих я, вероятно, виновата не меньше него, не должны лишать Вас общества брата. Если Вы помните, я почти сразу же вышла из комнаты. Меня переполняла решимость не терять ни минуты и как можно скорее прояснить все недомолвки. Дело было вот в чем: Фредерика категорически настроена против брака с сэром Джеймсом.

– Неужели ее реакция удивляет Вашу светлость?! – воскликнула я несколько более пылко, нежели требовалось. – Фредерика обладает светлым умом, а у сэра

Джеймса его и вовсе нет.

– А я, по меньшей мере, не склонна сожалеть об этом, дорогая сестра, – заметила леди Сьюзан. – Напротив, я благодарна за такое явное подтверждение ума своей дочери. Сэр Джеймс в этом отношении, безусловно, не на высоте (а из-за своих ребяческих выходок кажется еще хуже); и обладай Фредерика проницательностью и способностями, которые я была бы счастлива видеть в своей дочери, или хотя бы знай я о том, что она обладает ими – а я обнаружила это лишь недавно, – я бы не старалась так устроить их союз.

– Как странно, что из всех присутствующих лишь Вы одна не догадывались об уме своей дочери!

– Фредерика не умеет подать себя в выгодном свете, она стеснительна, да к тому же боится меня. При жизни ее бедного отца она росла избалованным ребенком; строгость, которую мне пришлось проявлять к ней после смерти моего мужа, ослабила ее привязанность ко мне; к тому же у моей дочери нет ни блестящего интеллекта, ни таланта, ни живости ума, которые непременно себя проявляют.

– Скажите лучше, что она не получила должного воспитания!

– Господь свидетель, дорогая миссис Вернон, что я как никто понимаю это; но я предпочла бы забыть обстоятельства, которые могут бросить тень на воспоминания о том, чье имя для меня свято. – Здесь она притворилась, что плачет; мое терпение лопнуло.

– Но о чем, – спросила я, – Ваша светлость собирались поведать мне в отношении размолвки с моим братом?

– Размолвка вызвана проступком моей дочери, свидетельствующим как о нехватке у нее рассудительности, так и, увы, о страхе передо мной, о чем я уже упоминала – Фредерика написала письмо мистеру де Курси.

– Мне это известно; Вы запретили ей говорить со мной или с мистером Верноном о причине ее страданий; как иначе она могла поступить, кроме как обратиться к моему брату?

– Боже мой! – воскликнула леди Сьюзан. – Как плохо Вы, должно быть, думаете обо мне! Неужели Вы могли предположить, что мне известно о несчастье дочери?! Что я поставила себе целью причинить горе собственному ребенку и запретила ей говорить с Вами на эту тему исключительно из боязни, что Вы вмешаетесь и сорвете мои коварные планы? Неужели Вы считаете, что мне чужды добрые, искренние чувства? Неужели я способна предать свою дочь вечным страданиям – существо, чье благополучие является для меня смыслом жизни? Одна мысль об этом приводит меня в ужас!

– Но каковы же тогда были Ваши намерения, когда Вы требовали от нее молчания?

– Какую пользу, дорогая сестра, могли принести обращения к Вам, каковы бы ни были обстоятельства? К чему было заставлять Вас выслушивать мольбы, следовать которым я сама отказалась? Это было бы нежелательно и для Вас, и для нее, и для меня. Когда я принимаю решение, вмешательства извне, пусть даже дружеского, я не потерплю. Я ошибалась, признаю, но полагала, что поступаю как должно.

– Но в чем же заключается ошибка, о которой Ваша светлость так часто упоминает? Откуда такое удивительное непонимание чувств вашей дочери? Неужели Вам не было известно, что сэръ Джеймс ей не мил?

– Я знала, он не совсем тот человек, которого она бы сама себе избрала, но была убеждена, что все возражения вызваны вовсе не пониманием его недостатков. Впрочем, Вы не должны слишком детально расспрашивать меня по этому поводу, дорогая сестра, – продолжала леди Сьюзан, ласково беря меня за руку. – Сознаюсь вам честно, кое-что я бы открывать не хотела. Фредерика так расстроила меня! Ее обращение к мистеру де Курси чрезвычайно меня обидело.

– Не пойму, к чему Вы клоните, – произнесла я, – упоминая некую тайну. Если Вы считаете, что Ваша дочь испытывает к Реджинальду нежные чувства, то ее нежелание вступить в брак с сэром Джеймсом заслуживает не меньшего внимания, чем если бы причиной ее отказа было понимание его недалекости; и как бы там ни было, зачем Вашей светлости ссориться с моим братом из-за его вмешательства, если Вы знаете, что не в его привычках отказывать в помощи, о которой его так настойчиво просят?

– Вам известен его горячий нрав, а ведь Ваш брат пришел, дабы усовестить меня, и сочувствие его было всецело на стороне этой жертвы дурного обращения! Мы неверно поняли друг друга: он считал меня более достойной порицания, чем я того заслуживала; я же полагала его вмешательство менее обоснованным, нежели расцениваю его сейчас. Я испытываю к вашему брату искреннее уважение и была обижена вне всякой меры, увидев, как я тогда считала, что глубоко ошиблась в нем. Мы оба погорячились, и, конечно же, оба виноваты. Его решение покинуть Черчхилл объясняется свойственной ему импульсивностью. Однако когда я узнала о намерениях мистера де Курси и в то же самое время начала догадываться, что, возможно, мы неверно поняли друг друга, я решила объясниться с ним, пока не поздно. Я всегда буду чувствовать глубокую привязанность ко всем членам Вашей семьи, и, признаюсь, мне было бы очень больно, если бы мое знакомство с мистером де Курси закончилось на такой мрачной ноте. Мне осталось лишь сказать: поскольку я убедилась в небеспричинной нелюбви Фредерики к сэру Джеймсу, я немедленно сообщу ему, что он должен оставить надежды на ее счет. Я корю себя за то, что, пусть и непреднамеренно, стала причиной ее несчастья. Фредерика получит от меня самое щедрое воздаяние, какое я только могу ей дать. Если она и впрямь так же беспокоится о своем счастье, как и я, если умеет судить мудро и владеть собой как должно, то она может быть покойна. Простите, дорогая сестра, что похитила у Вас столько времени, но во всем виноват мой нрав; а после подобного объяснения, надеюсь, я более не рискую пасть в Ваших глазах.

Я хотела ответить ей: «Во всяком случае, не намного!», но ушла, не вымолвив ни слова. Я просто больше не могла испытывать свое терпение. Я бы не сумела остановиться, если бы начала говорить. Какая наглость! Какая ложь! Но я не позволю себе долго распространяться на эту тему: ведь ее слова и сами по себе достаточно шокируют Вас. У меня все внутри переворачивается.

Как только я более или менее успокоилась, я вернулась в комнату для завтраков. Экипаж сэра Джеймса уже подали, и он, веселый, как всегда, вскоре откланялся. С какой легкостью ее светлость поощряет или дает отставку влюбленному! Несмотря на избавление, Фредерика по-прежнему не выглядит счастливой: возможно, она все еще боится гнева матери; и хотя девушка страшилась отъезда моего брата, вероятно, она ревнует его из-за того, что он остался. Я вижу, как пристально она следит за ним и леди Сьюзан, бедняжка! Похоже, у Фредерики нет никакой надежды. Нет ни единого шанса на то, что она сможет вызвать у Реджинальда ответное чувство. Он теперь относится к ней совершенно иначе, нежели прежде; он отдает ей должное – в некоторой степени; но воссоединение Реджинальда с ее матерью исключает исполнение

наших сокровенных надежд. Готовьтесь, милая матушка, к худшему! Вероятность того, что Реджинальд и леди Сьюзан сочтутся браком, несомненно, возросла! Он предан ей более, чем прежде. Когда произойдет это ужасное событие, Фредерика должна обязательно стать членом нашей семьи. Я рада, что это письмо придет к Вам почти сразу же за предыдущим, ибо дорого каждое мгновение, на которое можно сократить Вашу радость – ведь за ней последует разочарование.

Всегда Ваша и т. д.

Кэтрин Вернон.

XXV

От леди Сьюзан к миссис Джонсон

Черчилл

Поздравь меня, милая Алисия: я снова радуюсь и торжествую! Когда я писала тебе на днях, то, сказать по правде, пребывала в сильном раздражении, и по многим причинам. Более того, не уверена, смогу ли когда-нибудь успокоиться, поскольку у меня ушло больше усилий на восстановление мира, чем я когда-либо собиралась потратить... Настроение мое было вызвано также ложным пониманием истинной добропорядочности, что особенно оскорбительно! Реджинальду нелегко будет выпросить у меня прощение, уверяю тебя. Он уже собирался покинуть Черчилл! Не успела я подвести итоги последней ссоры, как Вильсон принес мне это известие. Естественно, я решила, что нельзя сидеть сложа руки, поскольку не намеревалась отдавать себя на милость мужчине, чей нрав столь горяч. Позволить Реджинальду уехать, когда он настроен против меня, было бы чересчур легкомысленно и не в моем стиле; и потому мне пришлось снизойти до него. Я отправила к нему Вильсона с сообщением, что желала бы поговорить с мистером де Курси, прежде чем он уедет; он тут же явился ко мне. Бурные эмоции, искажавшие его черты, когда мы расстались, уже несколько утихли. Казалось, мое приглашение поразило Реджинальда, и он отчасти боится, а отчасти надеется, что мне удастся смягчить его своими словами. Если выражение моего лица отвечало моим намерениям, то оно было

спокойным и величавым, хотя и не лишенным некоторой доли печали, должной убедить его в том, что я не совершенно счастлива. «Прошу прощения, сэр, за мое дерзкое приглашение, – начала я, – но поскольку я лишь минуту назад узнала о Вашем намерении покинуть этот дом сегодня же, считаю своим долгом умолять Вас не сокращать из-за меня пребывание здесь даже на час. Я прекрасно понимаю: после того, что произошло между нами, нам обоим было бы больно пребывать под одной крышей: такая огромная, такая полная перемена по сравнению с близкими, дружескими отношениями не может не превратить любое дальнейшее общение в сильнейшую муку; и ваше решение покинуть Черчхилл, несомненно, вызвано сложившейся ситуацией и бурным темпераментом, коим Вы, как мне известно, обладаете. Но в то же самое время от такой жертвы пострадаю не столько я, сколько обитатели этого дома, Ваши родственники, к которым вы так привязаны и которые так Вам дороги. Мое пребывание здесь не подарит столько радости мистеру и миссис Вернон, сколько Ваше общество; да и к тому же мой визит, похоже, и без того затянулся. Таким образом мой отъезд, который в любом случае вскорости произойдет, может с легкостью быть приближен; и я хочу попросить Вас не дать мне стать причиной вынужденной разлуки родственников, которые так нежно привязаны друг к другу. Куда я поеду, не должно никого волновать, да и саму меня не очень тревожит; а Вы очень дороги своим близким». На этом я умолкла, и надеюсь, тебе моя речь понравится. Воздействие же ее на Реджинальда дает повод для некоторого тщеславия, поскольку оно оказалось не только мгновенным, но и благоприятным для меня. Ах, как чудесно было наблюдать за сменой выражения его лица, пока я говорила! Видеть борьбу между возвращающейся нежностью и остатками неудовольствия. Есть нечто трогательное в людях, столь легко поддающихся манипуляции; не то чтобы я завидовала им, и уж конечно не хотела бы оказаться на их месте; но с ними очень удобно иметь дело, когда один человек хочет повлиять на другого. И все же Реджинальд, которого несколько произнесенных мною слов мгновенно смягчили, вынудили полностью покориться и превратили в поклонника еще более сговорчивого и более преданного, чем прежде, посмел оставить меня после первых же гневных позывов своего гордого сердца, даже не соизволив поискать объяснения моим поступкам. И как бы смирен он ни был теперь, я не могу простить ему вспышку гордости и размышляю, не следует ли мне наказать его, дав отставку сразу же после примирения или же выйдя за него замуж и дразня его до конца жизни. Но оба эти способа слишком жестоки, чтобы выбрать один из них, не подумав как следует; в настоящий момент я продумываю несколько действий иного свойства. Мне многое предстоит сделать: наказать Фредерику, и к тому же достаточно сурово, за ее обращение к Реджинальду; я должна наказать и его за то, что он так живо откликнулся на ее призыв, и за остальные промахи в его поведении. Я

должна помучить свою золовку за дерзкий триумф в ее взгляде и голосе с тех пор, как сэру Джеймсу отказали; поскольку, стараясь вернуть расположение Реджинальда, я должна была отказать этому незадачливому молодому человеку; и я хочу вознаградить себя за унижение, которому вынуждена была подвергать себя последние несколько дней. Для достижения этих целей я разработала несколько планов. Я также подумываю вскорости поехать в город, и какое бы решение я ни приняла по поводу всего остального, уж этот-то прожект я, скорее всего, претворю в жизнь, поскольку Лондон остается наиболее подходящим местом для осуществления моих замыслов, и в любом случае там я буду вознаграждена твоим обществом, а также небольшим развлечением за десятидневную пытку в Черчилле. Полагаю, репутация обязывает меня все же довести до запланированного конца заключение союза между моей дочерью и сэром Джеймсом, после того как я столько времени этого добивалась. Дай мне знать о своем мнении на сей счет. Умение проявить гибкость – склонность, легко вызывающая предубеждение у других, – есть свойство, которое, как тебе известно, я не очень жажду приобрести; и Фредерика не может претендовать на снисхождение к ее взглядам ценой намерений матери. Да еще и эта ее бесполезная любовь к Реджинальду! Несомненно, мой долг состоит в том, чтобы отбить у нее охоту к подобным романтическим глупостям. Таким образом, все обдумав, я решила, что моя священная обязанность – взять дочь с собой в город и как можно скорее выдать замуж за сэра Джеймса. Когда моя воля осуществится вопреки желаниям Реджинальда, у меня снова появится надежда установить с ним добрые отношения, каковых, сказать по чести, у меня сейчас нет; ведь, хоть он по-прежнему в моей власти, я отказалась именно от того действия, которое и вызвало нашу ссору, и потому победа моя над ним в лучшем случае сомнительна. Сообщи мне свое мнение по всем этим вопросам, дорогая Алисия, и дай знать, сможешь ли ты подыскать для нас подходящее жилье недалеко от твоего дома.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Сноски

1

В описываемое время в Англии было принято называть родственников мужа/жены, как собственных: брат, сестра, матушка/маменька и т. п. (Здесь и далее примеч. пер.)

2

То есть передается по наследству – это значит, что состояние принадлежит отцу Реджинальда целиком, он им владеет, а не просто получает пожизненную ренту.

3

Первенцев принято было называть в честь родителей; особенно это касалось мальчиков, наследующих состояние и титул.

4

По закону родовое имение передавалось в наследство старшему сыну автоматически.

Купить: <https://telnovel.com/dzheyn-ostin/ledi-s-yuzan-sbornik>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)